

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ФЕДОРОВ
ВИДЯЩИЙ.
ЛЕСТНИЦА В НЕБО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Неприятно узнать, что твоя жизнь кем-то распланирована, а счастливого конца не предусмотрено. Казалось бы, только взял судьбу в свои руки, но тут же находятся те, кто считает иначе. Новоявленные родственники, спецслужбы и аристократия водят вокруг хоровод, желая подмять талантливого юношу под себя. Что ж, Егору не привыкать: где-то кровью, где-то хитростью, а где-то компромиссами приходится выстраивать собственную лестницу в небо.

Алексей Федорочев

Видящий. Лестница в небо

© Федорочев А. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Просыпаться было... мерзко.

Очнулся я в небольшой камере с повязкой на голове, без своей одежды и личных вещей, обряженный в казенные оранжевые тряпки. Помимо боли в пострадавшей башке ныли зубы, да и общее самочувствие было не ахти. Ладно еще унитаз в камере нормальный да крохотный умывальник имелся: по слухам, могло и этого не быть — дырка в полу, и все.

Лечение шло тяжело. Сволочные блокираторы, встроенные в стены, постоянно сбивали настрой, но постепенно я приспособился. Кого другого в такой ситуации вряд ли вылечил бы, но себя — проще. Вся фишка в том, что пока энергия внутри меня — артефакту ее в разы сложнее вытянуть. Тут мне очень помогло знакомство с вампиреньшем Ярцевым: помимо общего понятия о действии блокираторов, я подсмотрел у него приемы, помогающие контролировать источник, к которым он неоднократно прибегал в присутствии других людей. Вкратце, все сводилось к одному: не давать *силе* покидать пределы тела, а в идеале — источника. Те же самые приемы пришлось практиковать и мне, методом проб и ошибок подгоняя их к векторам своих *стихий*. Муторное занятие, но делать все равно было нечего. Заодно и в медитации потренировался, благо ничто не отвлекало. Отпуск же, блин... Отдыхаю типа!

Самое смешное, что еще пара недель — и я сам, добровольно пришел бы сюда и рассказал все, что знал про заговор. Прямо скажем, знал я немного, в делах руководства училища был замазан только как жертва, гораздо больше потом понял из скопированных материалов. Все бы ничего, если б не клятый дедов архив! Знал бы дед, сколько мороки будет у меня из-за этого наследства! Раз Милославский Митьку под крыло взял, значит, брат свою часть благополучно слил адресату, но он ведь мог что-то пропустить, именно для этого старик вдалбливал нам все эти истории обоим. А там не просто информация, там бомба, несмотря на давность. Одни только имена его личных «спящих» агентов чего стоят, а ведь многие из них все еще живы-здоровы, кое-кто еще и работает до сих пор. А еще подробности операций, явки и куча других неинтересных мне лично данных, но, вероятно, бесценных для главы ПГБ.

Бегать от безопасников всю жизнь я точно не собирался. Может, это мое прошлое так аукается, но я всегда был убежден, что система в конце концов переиграет одиночку, как бы тот ни прятался, что, кстати, в итоге лично со мной и случилось. И однозначно трезво оценивал свои умения по этой части. Ну не Штирлиц я, чтоб годами как мышь под веником сидеть, на чужое имя откликаться. Да я имя Гена на всю жизнь возненавидел!

И уж тем более не собирался решать проблему силовыми методами. Ну допустим, убил бы я группу захвата. И что? А я ведь именно это чуть не сделал. В перерывах между экзаменами, чтобы отвлечься от зубрежки, я тренировал водные лезвия, поэтому именно их в первый момент и сформировал. И опыт Шамана меня ничему не научил, а ведь и он когда-то именно машинальным использованием этой техники все свои неприятности заполучил. Сбил бы Волкова просто водной струей — его жизнь по-другому повернулась бы.

Ладно, в сторону лирику. А факт в том, что не готов я был отражать нападение, не о том думал, когда на лестницу мчался. А единственная гарантированно нелетальная техника в моем исполнении — усыпление — ни разу не боевая, потому как требует нехилой концентрации и хоть какого-то времени на подготовку. А я в первый момент, повторюсь,

водные лезвия складывать начал. Вот и вышло, что пока оценил обстановку, пока сделал одно, пока опомнился и рассеял — все время и истратил. А так бы, может, и ушел бы. Потом, понятно, сконцентрироваться уже вообще некогда было. Хотя до последнего надеялся, что удастся уйти. Э-хе-хе...

В принципе, даже этого неизвестного гада Рогова где-то понимаю: в той ситуации боец действовал правильно. Жестко, жестоко, но правильно. Они ж вообще, судя по действиям, считали, что на обычное задержание идут, никаких спецсредств не применяли. А против колдуна у обычного человека шанс один — вырубить на хрен, чтоб не очнулся.

Три дня меня мариновали в неизвестности: наверное, чтоб проникся. Тишина в камере была потрясающая, ни звука не доносилось извне. Жратву просовывали сквозь окошечко, вопросы игнорировали, удобства были. Только на перевязках живых людей и видел. Курорт!

На четвертый посадили в автозак и отправили в Петербург. Точнее, это я решил, что в Петербург, мне-то никто ничего не объяснял. Ну хоть какая-то смена обстановки. Поездка вышла занимательной. До сих пор видел конвойные машины только снаружи, а тут вот сподобился изнутри оценить. И, главное, какое общество! Можно сказать, самые его сливки! Рогов и Ко! Узнать обидчика не узнал, но кто-то при посадке неосторожно позвал его по фамилии.

— Что, щенок, несладко в блокираторе?

Ответ не требуется, так что молчу.

— О! Гордый! А когда валялся в пыли, гордым не был!

— Василь, не нарывайся! — предостерегает капитана товарищ.

— Что не нарывайся? Из-за этого уродца Женька с Иваном погибли!

— Не из-за него, а из-за «дúхов». Василь, кончай: нарвемся, опять нас отправят к черту на куличики!

— Во-во! Слышь, гад! Из-за тебя мы полгода в Азии пыль глотали. Двое хороших парней погибли. Жаль, я тебя мало приголубил. Когда тебя к стенке поведут, я в расстрельную команду попрошусь — хочу свинцовый подарочек лично вручить.

По-моему, у этого кадра проблемы с психикой.

— Вряд ли.

— Что ты там вякнул? — Капитан разошелся не на шутку.

— Василь!!!

— Вряд ли поведут расстреливать. — Голос после трех суток молчания звучит хрипло.

— Тогда я тебя сейчас сам шлепну! — Рогов схватился за кобуру.

— Василь!!! Капитан!!! Сядь на место! — Второй конвоир с силой усаживает приятеля на сиденье.

— Живи, щенок! За твою гребаную жизнь кровью наших ребят заплачено...

Да... Накипело у мужика... Как-то и мстить теперь...

Спокойствия Рогова хватило ненадолго, уже минут через двадцать он снова стал выступать с теми же претензиями ко мне, а второй конвоир, у которого я знал только звание — лейтенант и имя — Игорь, опять же начал его успокаивать. Что меня страшно взбесило в машине и злило еще потом некоторое время — это то, что вначале я поверил в этот спектакль. И даже немного успел посопереживать этому гаду. Я ведь терял друзей: кого-то в бою, кого-то просто по возрасту, но никогда не приходило мне в голову спекулировать на этой теме. А тут... Еще и по матушке проехался своим грязным языком.

Ну вот хоть убейте, не верю я, что в серьезной конторе, а речь идет не о заштатном

филиале, а о Московском — втором по значимости (после Петербургского) отделении ПГБ, держат таких неадекватов. И тем более отправляют их конвоировать непосредственного виновника неприятностей. Что, других людей не нашлось? Грубовато работаете, товарищи!

Отрешившись от происходящего, начал готовить ответку. К счастью (моему, разумеется), ручные и ножные браслеты с блокирующей начинкой далеко не полностью перекрывали возможности тела. Да, колдовать удобнее руками, но если знать, что *силу* проводят не гипотетические «магические каналы», а всего лишь насыщенные алексиумом кости, то открывается некоторый простор для маневра. Колдунствовать позвоночником — это, конечно, та еще задача, но проблема не в возможности, а в желании и воображении. И с тем и с другим к концу поездки у меня был полный порядок, Рогов постарался.

Поэтому, когда капитан, выводя меня на свет божий, вдруг упал и забился в судорогах, пуская пену изо рта, шокированы были все, кроме меня. Круциатос — это больно, черт возьми! Крыски, ваша смерть не была напрасной — техника нашла своего героя! Хорошо быть начитанным!

К слову, на меня никто и не подумал. Каких только версий не услышал — и эпилепсия, и сердечный приступ, и отравление. Ничего общего с действительностью.

А вот нечего было хлопать своей немой лапой мне по шее — здоровее был бы!

Поднявшаяся суета вокруг Рогова дала мне возможность оценить новое место пребывания. Если не ошибаюсь — все-таки Петербург, но здание мне незнакомо. Что ж, здравствуй, столица!

Одиночка в Питере ничем не отличалась от одиночки в Москве. Что поделать — типовой проект. Всю ночь пытался настроиться на предстоящую встречу, но выходило плохо. Лишь под утро забылся тревожным сном с единственной здоровой мыслью: «Будь что будет!»

А вот Милославский не зря считается хитромудрым. Все мои заготовки на разговор он поломал с ходу — на следующий день первым в камеру просочился Митька.

— Горыныч! Живой! Змеюка подколотная, как же я за тебя переживал!

— Митяй! Вымахал, отъелся! Да как тебя земля, такого медведя, носит? — С трудом выбираюсь из крепких объятий и оглядываю сильно выросшего брата.

— Навел ты шороху! Все училище месяц трясли! Как ты?

— Как видишь — лучшие апартаменты выделили! — рукой обвожу окружающую обстановку.

— Это временно, разберутся. Горка! Как же я рад, что тебя наконец нашли! — И снова бросается обниматься.

А уж как я-то рад, не передать...

— Слушай, ты ж худой такой, седой! Тяжко пришлось?

— Где седой?

Как «седой»? Откуда?

— Вот здесь. — Брат проводит по едва залеченному месту удара берцем.

— А, здесь... Это меня нашли так. Хорошо искали.

— Тихон Сергеевич! — В камере появилось новое действующее лицо. — За что его так? Почему он вообще в камере? Он что, натворил что-то?

— Разберемся, Дима! — И уже в сторону охраны: — Я его забираю!

Ну вот, пошла игра. Ставка — свобода.

В кабинете Милославского Митька опять бросился тормошить и расспрашивать меня, но Тихон Сергеевич вскоре пресек разговор:

— Убедился, что брат живой?

— Да.

— Тогда езжай домой. А мы тут будем утрясать формальности. Потом наговоритесь.

— Хорошо. Спасибо, Тихон Сергеевич! А маме можно сказать?

— Скажи, только пусть она пока дома сидит, ее сюда не пустят. Разберемся во всем — сам сообщу.

— Егор, как же я рад! Ты не представляешь, как я рад! — Напоследок Митька еще раз стискивает меня. — Разбирайся скорее, я соскучился!

Хлопок двери оставляет меня наедине с Милославским.

— Ну что, набегался? — Несмотря на утро, Тихон Сергеевич выглядит усталым. Он вообще сильно отличается от сложившегося у меня образа: и ростом поменьше, и морщин побольше, и плешь пошире.

— Чего бежал-то?

Пожимаю плечами:

— А я откуда знать мог, что это ваши люди?

— Ой, малец, не юли. Знал ты все... — Жду, что мужчина продолжит мысль, но тот испытывающе смотрит на меня в ожидании ответа.

— Испугался. Пуганый я.

— Н-да... А я ведь спасибо тебе сказать хотел...

— Оу! Боюсь даже представить, как бы вы порицание выразили... Котлет наделали бы?

— Н-да... Прости. Хреново все вышло... — Спустя долгую паузу Милославский продолжает: — Как ты Залесского заподозрил?

— Заподозрил?! Да на него транспарант можно было вешать: «Виновен!» С учеником ЧП, три дня в лазарете со срывом источника валяется, а виновник в соседней палате лечится! И никто ни сном ни духом! Потом еще в кабинете у него поковырялся. Вы ж знаете!

— Я-то знаю. Мне ход твоих мыслей интересен. Потешь старика.

— Ход мыслей... — После насыщенных двух лет уже трудно вспомнить, что я там накручивал, лежа в лазарете. — Ход мыслей... Я Андреаса давно подозревал, странные это тренировки были. И брату говорил, и доктору, и учителям. Только мне не верил никто. Раскачка источника — дело травмоопасное, не один я после занятий отлеживался у Михаила Игнатьевича. А когда очнулся — сообразил наконец, что без отмашки Залесского Скинкис вряд ли что-то самостоятельно предпринимал бы. Их отношения видеть надо было — Андреас на завуча, как собака на хозяина, смотрел, хвоста только, чтоб вилять, не было. А там оно само как-то сложилось...

— Само сложилось... Это хорошо, что сложилось. Судьба вам там незавидная уготована была. — Милославский тяжело поднялся из кресла и встал у окна, задумчиво глядя на городской пейзаж.

— Уж догадался. Потому и тревогу поднял.

— А почему не остался? Мои люди уже спустя полчаса здание оцепили. — Ни на секунду не обманываюсь ленивым усталым тоном — не тот он человек.

— Боялся, что убьют, — просто отвечаю я, — особенно когда архив его мельком просмотрел. Где гарантия, что вы ночному звонку поверите? Да я сам до последнего не знал, что номер правильно набираю.

— Ну ладно, здесь я тебе верю. Испугался, метнулся, как заяц, прочь. Потом-то чего не вернулся?

Почему-почему!.. Потому что не был уже мальчиком Егором! Только знать это кому-то необязательно.

— Сначала слишком далеко убежал. А потом вернулся: мать по-прежнему в коме, Митьки нет, возвращаться в училище бессмысленно — источник перегорел. Денег тоже нет. Попробовал к Шаврину обратиться — тот сначала вроде нормально себя повел, а потом схватить попытался. На нем же не написано, по чьему приказу это делает! В общем, как вернулся, так и повернулся.

— Хм... Наслышан... Бегать ты наловчился... — Тихон Сергеевич наконец оторвался от занимательного вида за окном и вернулся за стол.

— В школу, как я понял, ты идти доучиваться не собираешься. Аттестат получил, даже неплохой, судя по оценкам. Источник восстановил или восстанавливаешь. Какие теперь планы?

— Жить. Учиться дальше. С Митькой и матерью хоть нормально пообщаюсь в кои-то веки, соскучился.

— Хорошо. Сейчас Роман Захарович тебя по училищу опросит — расскажешь все, как было. Жить пока здесь будешь. Не переживай, в камеру больше не посадят — в спецгостинице несколько дней проведешь. — Тихон Сергеевич устало трет переносицу и продолжает выдавать указания: — Про архив никому ни слова. По нему отдельно с тобой говорить буду.

Киваю; так и знал, что все из-за этой информации.

— Если что натворил в бегах, говори сейчас, я подумаю, чем помочь тебе.

Ага, вот прям сейчас исповедоваться начну... все преступления свои вспомню и выложу...

— Да ничего такого. Скрывался, источник восстанавливал.

— Как знаешь. Жил где?

— В Москве в основном. Город большой, затеряться несложно.

— А на что?

— Подрабатывал. То здесь, то там...

— Н-да... Что ж, как знаешь, — повторился Милославский, — бежать отсюда не вздумай только, это тебе не училище ваше, шутить никто не будет. Понятно?

— Бегать не буду — набегался, за это можете не волноваться.

— Ну-ну, иди. Охрана проводит, — и вызвал через секретаря очередных конвоиров.

Уже на пороге, в спину доносится:

— Егор... Спасибо.

Что ж, первый раунд, будем считать, за мной. Обвинений никаких не предъявляют, что уже хорошо, с этих станется! Угроз тоже нет. Спасибо вон даже сказали. Только это ничего не значит. Основной бой еще впереди.

Два дня отчитывался по училищу. Чувствовалось, что эта тема уже в прошлом, так как опрашивали только для галочки. Разве что на тренировках с Андреасом внимание заострили (все про его приемы расспрашивали) да на том, как ушел из лазарета: кто помог и т. д. Мстительно сдал Гришку. А что? Не соврал же ни разу. Пусть этот кадр пэгэбэшникам расскажет, с какими такими целями мальчишку похищал.

Еще семь дней по приказу Тихона Сергеевича добросовестно описываю дедовы истории. К концу каждого дня пальцы болят от ручки, но компьютерам в этой конторе не доверяют. Подозреваю, что помимо самих данных Милославский проверяет еще и Митьку:

все ли тот выложил; но глупо считать нашего деда недалководидным. Все, что можно слить, он обозначил, уж не знаю как. В мозгах словно лампочка загорается напротив каждого случая: красная — оставить в семье, зеленая — сдать государству. К примеру, все тайные счета обозначены красным, что в какой-то степени верно — деньги это были лично Елизара Андреевича, а значит, являются Митькиным наследством. А вот агентов сдаю почти всех, кроме тех нескольких, что уже будут братьевыми. И так во всем. Интересно, как можно было добиться такого эффекта? Явно маменькина работа, старик *жизнью* не владел; надо будет потом уточнить у родительницы. Полезный навык.

И считаю, считаю дни. Вся эта тягомотина, раз не удалось по-хорошему, мне сейчас на руку. Будущих дворян, конечно, проверяют, но есть крохотный такой нюансик — проверкой занимается ЕИВ СБ с заклятым товарищем-конкурентом Милославского — Лопухиным-Задунайским во главе. Это, кстати, то ли шурин, то ли зять знакомого мне князя: не совсем разобрался в степени родства. А учитывая, что искал меня Тихон Сергеевич исключительно ради архива — вряд ли он поделился с ними информацией. Так что есть огромная вероятность, что прошение идет своим чередом по инстанциям, а это занимает в среднем две недели. Если Орбитин не соврал и выполнил свою часть сделки, то примерно к 10 июля указ должен быть подписан. Но хотя бы пару дней лучше выдержать.

Новый разговор с главой ПГБ состоялся уже у него в особняке. По случаю окончания писанины меня выпустили из опостылевшей гостиницы, но не на волю, как мне хотелось бы, а вежливо, но твердо сопроводили в личное жилище императорского советника. Там наконец встретился и с Митькой, гостившим у Милославского, и с матерью. Ох и наговорились же!

У Митьки восторг от всего. Как бы мать о нас ни заботилась, но устроить в Царскосельский лицей было не в ее силах. А тут тебе все известные фамилии, еще и Морозовы осторожно им интересоваться начали. Конечно, не все так гладко у него, как он рассказывает — есть свои проблемы, но в целом он доволен поворотом судьбы и перемен не ищет.

Дождавшись, когда мать уедет на дежурство, братишка вытащил меня в сад, где долго собирался с духом, прежде чем перейти к серьезному разговору.

— Короче, Горыныч, тут такая тема... Даже и не знаю, как сказать...

Кажется, я догадываюсь, что за новость у него.

— Скажи как есть.

— Как есть?.. Хорошо... Мы не родные братья... — набрался наконец он храбрости.

— Знаю.

— Откуда? Мать рассказала?!

— Нет, не она. Сам докопался, случайно, правда. Ну а потом уже, конечно, к матери разбираться пошел. Вот тогда она и подтвердила. Глупо отпираться было, когда у меня фотографии на руках.

— Что за фотографии?

— Свадебные, твоих родителей. В архиве к брачному договору приложены были.

— Жаль, не знал. Дед говорил, ни одного изображения не осталось, — Митька тяжело вздыхает, — да и отцовских-то раз-два и обчелся.

— Я откопировал. Приеду в Москву — вышлю.

— Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить. Милославский тебя не отпустит.

— Догадываюсь. А ты?

— А вот тут, Горыныч, собака и зарыта. Я сейчас — несовершеннолетний и под опекой

Тихона Сергеевича. Матери опеку он возвращать не спешит. Ты не думай, меня тут все устраивает — я для себя выбрал. Милославский не вечен, лет через пятнадцать — двадцать на покой уйдет. Пока он мне покровительствует — успею вес набрать. Плюс Морозовы хотят меня в клан вернуть, хотя бы через женитьбу, так что с их стороны тоже протекция ожидается. До главы приказа, может, и не дорасту, а вот до его заместителя — запросто.

— Но?.. — Неспроста же брат этот разговор затеял.

— Стану я Морозовым или нет — это вопрос отдаленного будущего, а Милославский есть здесь и сейчас. И если ты останешься, Тихон Сергеевич тебя вперед двигать будет. А мне, как понимаешь, это невыгодно. Ни сейчас, ни потом, — честно, как на духу, признается Митька.

— С чего ты взял, что так будет? Мне он ничего такого не говорил... — удивляюсь выводам брата — вряд ли Милославский с ним эти перспективы рассматривал.

— Подслушал. Он с помощником обсуждал планы на тебя. Все восхищался, как ты в училище заговор заподозрил на одних косвенных. Все ведь видели, что там творилось, но никто таких выводов не сделал. Даже я. — Митяй остановился под яблоней и стал нервно обдирать с нее листочки. — И скрывался ты потом сам долго, если б тебя девка твоя не сдала — мог бы и дальше жить как жил.

— Да не особо сладко мне жилось — расскажу потом как-нибудь... но я тебя понял. И за честность спасибо, я это оценил. — Пришел мой черед задуматься.

Вот уж не ожидал, что Митьке мой уход на руку окажется, но его резоны мне ясны. Не будет меня — его карьера может лучше сложиться, если он правильно понял своего патрона. А учитывая, что я как раз не горю желанием служить в этой структуре, никакого отторжения позиция брата у меня не вызвала. Наоборот: по-моему, было бы гораздо хуже, если б он злобу втихаря затаил да подставил потом как-нибудь.

Пока я думал, Митька общипал еще несколько веток и теперь старательно отламывал лысые прутья. Обоим нам нелегко давался этот разговор.

— Я в ПГБ никогда не хотел, — вполголоса признаюсь, — это вы с дедом всегда на одной волне были, а я просто за вами тянулся. Так что с моей стороны конкуренции тебе не будет. — Мой черед собираться с духом. — Митяй, я все сказать боялся, не знал, как ты воспримешь... Я прошение на свой род подал. Как раз в тот день, когда меня взяли.

Митькины глаза зажглись озорным огоньком:

— А Тихон Сергеевич знает?

— Да кто ж его ведает, что он знает, а что нет? Но если все по-моему вышло, то я уже пару дней как совершеннолетний и к твоему роду не принадлежу. Вот так-то, брат.

— Так это же отлично! Ты счета ему, надеюсь, не сдал?

— Нет, ты что! Это ж твое наследство. Да и что-то вроде блокировки там, похоже, стоит, даже вспоминать неприятно.

— Это хорошо. Значит, слушай и запоминай: счета в Германском и Русском — твои. Считай, это мой подарок тебе, раз ничем другим в жизни не помог.

— Митяй! — Обнимаю брата. — Митяй, мне бы так и так в жизни самому пробиваться пришлось бы. Не бери в голову! За деньги спасибо, конечно, но ты ведь знаешь, что твой дед мне как родной был. И ты мне брат, что бы там ни говорили. И знай, что на меня рассчитывать всегда можешь: чем смогу — помогу. Кто теперь знает, от чего дед меня прятал?..

— Спасибо, Горыныч. Я все боялся, что ты обидишься. А от чего прятал — не знаю.

Может, вообще просто мать пожалел? Я ж сам об этом узнал, только когда он умирать собрался.

— Пожалел... Сам-то в это веришь?

— Не знаю, у него же теперь не спросишь.

Есть мне у кого спросить, но это вопрос не сегодняшнего дня. А сегодня ждет меня еще один серьезный разговор. Как бы выдержать его только...

Милославский приехал поздно, уставший. Опять постоянно тер переносицу, но беседу откладывает не стал.

— Ну что, зайка-побегайка, наговорился с братом?

— Наговорился, спасибо. Я могу теперь домой ехать?

— Домой... Хороший вопрос. Дмитрий сказал, что я над ним опеку оформил?

— Сказал. Только я тут при чем? У меня живая-здоровая мать имеется.

— У тебя... Знаешь, стало быть, что вы в роду — приемыши. Только я, как опекун вашего рода, власти над твоей жизнью все равно поболее имею. И власть эта нашим императором подтверждена; или ты и с императорской властью поспорить собираешься? — Ого, сразу с тяжелой артиллерии наступление начал...

— Согласен: с императором не поспоришь. И что же от меня опекуну требуется?

— Не ерничай. Сейчас ты мне как на духу расскажешь, чем два года занимался. И не дай бог где-то соврать... И если ничего за тобой не числится — поедешь в закрытую академию учиться. Аттестат у тебя есть, в школе тебе теперь делать нечего. Как раз с Дмитрием поступишь.

Переглядываюсь с Митькой.

— А ничего, что я не хочу в эту академию ехать? И в ПГБ служить не собираюсь?

Милославский давит на меня тяжелым взглядом:

— А ты собирался всю жизнь бусины в мастерской заряжать? Или наемничать? Вот бы Елизар Андреевич-то порадовался!

Митька с интересом смотрит на меня. Хоть и был в нашем распоряжении почти целый день, но мы больше про его жизнь говорили, да я мать расспрашивал, как она устроилась. Про свои приключения только смешные эпизоды старался рассказывать, чтоб никого не волновать.

— Чем плохи мои занятия? — Я искренне возмутился.

— Тем, что ими ты и у меня заниматься сможешь! — сказал как отрубил. — И пользу государству и роду приносить станешь, и под присмотром.

— А если я на врача, как мать, собирался выучиться? Что, у нас в империи море целителей стало? — нарочно уточняю у опекуна, хотя давно уже для себя все решил.

— В академии и это преподают. Там еще много направлений имеется, найдется из чего выбрать. А с матерью твоей я поговорю. Только думается мне, возражать она не станет.

Что ж, позиция Милославского мне ясна. И все, как обычно, для моего же блага.

— Тихон Сергеевич, зачем я вам? Ну посадите вы меня на поводок — что я от этого сговорчивей стану? Я никогда не хотел в ПГБ служить, и сейчас не хочу.

— А ты не думал, что в твою дурную голову столько секретов понапихано, и это еще наверняка не все?

Мы с Митькой опять переглянулись.

— Да-да, не считайте меня дураком старым! Что я, не понимаю, что ли, что вы мне не

все выложили? И нечего тут переглядываться! Я еще из ума не выжил и не скоро выживу! — После вспышки гнева Милославский какое-то время молчит, а потом устало продолжает: — Да и просто по-человечески пойми меня — я за тебя теперь отвечаю. Только нет у меня времени тобой заниматься. Вот выучишься — сможешь сам тогда своей жизнью распоряжаться, а пока мои требования исполнять будь любезен!

Красивая заманушка. Только вот про то, что на первом же курсе все присягу дать обязаны, — ни слова. Или думает, что в закрытом заведении меня обещут? Или действительно считает, что там мне лучше будет? Жаль, мысли читать не умею.

— Не пойду я в закрытую академию, Тихон Сергеевич... — тихо, но твердо возражаю.

— И почему же?! — Милославский аж багровеет.

— «Сим указом от 10 июля сего года за содействие процветанию Российской Империи дворянского недоросля Васильева Егора Николаевича перевести в полное дворянское звание с правом основать свой род, дабы воспитать потомков его, к славе и процветанию Государства Российского...» — и далее по тексту; ничего не перепутал?

Слов у Тихона Сергеевича нет. Какое-то время он сидит, лишь открывая и закрывая рот, как рыба, но быстро справляется с собой и отмирает:

— Антон!!! — Ого, вот это рев!

В кабинет влетает помощник Милославского, на ходу готовя какое-то плетение из области *жизни*.

— Антон, дозвонись в канцелярию, — уже почти спокойно отдает приказ мужчина, — кого хочешь подними, но выясни, кому за последние несколько дней родовые указы подписывали! И есть ли среди них дворянский недоросль Васильев Егор?

— Так ведь вечер уже?..

— Антон!!!

— Понял! — Подчиненный скрывается из кабинета, оставляя нас наедине с разгневанным Милославским.

— Так вот зачем ты в канцелярию губернатора понесся! Ай да молодец! Ай да сукин сын! — И внезапно Тихон Сергеевич начинает хохотать.

— Ну вот скажи, что тебе с такими талантами «на гражданке» делать? — отсмеявшись, спрашивает мужчина. — Тебе же у нас цены не будет!

— Не скажите; мне за два года приключений хватило выше крыши. Такой жизни я точно себе не хочу.

Пока Антон уточняет мою информацию, сидим тихо-тихо. Милославский только накапал себе коньяку и цедит, обдумывая что-то. Что ни говори, а на рассказах об этом человеке я вырос. И восхищаюсь им вполне искренне. Это ж надо: не имея близкой родни в кланах, не обладая особо сильным источником — выбиться на самый верх и десятилетиями держаться в «топ-100» империи!.. Да его даже клановые уважают и опасаются, не говоря уж о простых смертных. Поэтому мне бы желательно с ним мирно разойтись. Пусть формально я теперь не в его юрисдикции, но где законы — и где мы?

Десять минут потребовалось Антону, чтоб найти ответ на вопрос.

— Так точно, Тихон Сергеевич! Есть такой указ. Вчера в канцелярии оформили. Даже в Москву еще информация не ушла! — докладывает помощник.

Йесс!!!

— А если я своей властью этот указ придержу? — смотрит на меня испытующе один из сильных мира сего.

— А вы с императорской властью поспорить собираетесь? — Возможность вернуть подначку веселит. — Уж не *рэволюционэр* ли вы, Тихон Сергеевич? — с изрядной долей иронии спрашиваю хозяина.

От неожиданности Милославский крикнул, а потом снова захохотал:

— Уел, уел!.. Ладно, коль ты такой прыткий, отпущу. Но не обессудь — блокировку тебе поставят.

А-ха-ха! Как будто меня отсюда изначально собирались без блокировки отпустить! На это мы согласные!

— И приглядывать за тобой все равно будут. Так что я бы на твоём месте ещё подумал — не лучше ли тебе в академии будет.

— Однозначно не лучше. Это Митькина мечта, не моя. И раз уж приглядывать собираетесь — на празднование Дня империи меня Ямины-Задунайские пригласили. А потом я насовсем перебраться в Питер буду. Вот так.

Разумеется, так просто меня не отпустили. Пришлось действительно поделиться толикой информации про свое житье-бытье в течение двух лет. Хотя бы с целью убедить всех в легальном происхождении миллиона. Часть моей истории Милославский уже знал, хотя и был удивлен, что владельцем «Кистеня» являюсь я сам. Видать, не всё его люди про меня раскопали. Сильно заинтересовало его и похищение Маши Яминой, но тут особо рассказывать мне было нечего — поиски проводились без меня. Одно радует — времени на меня из своего плотного расписания глава ПГБ особо выделить не мог, а официальному допросу категорически воспротивился я сам. Одно дело неформально пообщаться с опекуном брата, а другое — вести беседу под протокол. Нет за мной ничего такого (по крайней мере, известного в этом ведомстве), чтоб заставить давать показания.

Что еще? Немного удивила легкость, с которой Тихон Сергеевич меня отпустил, особенно учитывая мой седой висок — ловили-то по-взрослому, без дураков. Но вроде бы все честно. Блокировку поставили на следующее же утро. То, что особых изменений я не заметил — благоразумно оставил при себе, все равно проверять не собираюсь. Частично мое недоумение развеял сам хозяин:

— Ты, Егор, просто пока не понимаешь, от чего отказываешься. Поговорим об этом через пару-тройку лет. Созреешь еще.

Утром четырнадцатого июля я покинул особнячок советника, надеясь никогда туда не возвращаться. Мой отпуск подходил к концу. Вместе со мной съезжал и Митька — в ту самую закрытую академию, куда меня так настойчиво сватали.

— Береги себя, Митенька! — Матушка целует склоненную голову моего названного брата. — Пиши только, хотя бы изредка, чтоб я не волновалась. Или звони, телефон госпиталя знаешь...

Шум-гам, вокзал. Сопровождает брата в сие таинственное заведение неизменный помощник Милославского — Антон Алексеевич. «Учебка» расположена где-то в пригороде, интереса к местоположению специально не проявлял, мало ли, вдруг это Страшная Государственная Тайна. Хорошо, что у Митяя протекция с самого верха; как я понял, вступительных экзаменов там нет, попасть можно только по направлению. Какое-то первоначальное тестирование на профпригодность будет, но суть испытания от абитуриентов скрывается.

— Удачи, брат! — обнимаю напоследок этого верзилу. — Пиши мамке, я пока бомж, через нее новости про тебя узнавать буду.

— Кто ты?

— Бомж. Это аббревиатура. Без определенного места жительства — как раз про меня.

— Хорошее слово, надо будет запомнить. Бывай, Горыныч; мама... — Разжав объятия,

Митька резким движением подхватывает чемодан и скрывается в недрах пригородного поезда. Краем глаза вижу, что Антон кивает кому-то в толпе, прежде чем двинуться вслед за братом. Проследив за взглядом, вижу еще одного молодого человека с чемоданом, который решительной походкой направляется к вагону. Вот и попутчик для Митяя, познакомится хоть с кем-то заранее, всяко не так волноваться будет. Хоть парень и хорохорится, но ехать в неизвестность, которая к тому же определит его дальнейшую судьбу, ему явно страшновато.

Удачи, брат!

Поезда на Москву идут если и не один за другим, то все же часто, так что долго околачиваться на вокзале не приходится.

— Мам, ну все! Я через пару дней вернусь, ну что ты?..

— Опять оба уезжаете... — Маман все-таки не выдержала и пустила слезу.

— Угу, только я-то вернусь вскорости. А Митька... Это ж мечта его исполняется. Не плачь, мам! Станет наш Митька еще генералом, будут его подчиненные бояться! — Попытка развеселить оказалась провальной, мать расплакалась еще пуще.

— Оба вы теперь не мои...

— Мам, ну что ты глупости говоришь? — Прижимаю к себе эту хрупкую женщину крепко-крепко. — Твои мы. Просто выросли... — Пускаю сквозь нее волну *жизни*. — Пошли-ка вместе, я тебя провожу до автобуса, нечего тебе здесь одной болтаться.

— Так кто кого провожает? — Мать улыбается сквозь слезы.

— Мы с тобой — Митьку. И уже проводили. Едет теперь Митяй навстречу своему светлому будущему. А ты сейчас сядешь в автобус и поедешь к Виктору Афанасьевичу, чтоб одной не сидеть и себя не накручивать. Лады?

— И в кого ты только такой?

— В тебя и деда — других кандидатур нет. Пошли, что ли? А то мне самому скоро уезжать. Я вернусь, мам, совсем скоро!

Интерлюдия первая

Тихон Сергеевич привычно стоял у окна и смотрел сквозь сумерки на ворота, через которые еще утром выходили такие разные братья Васильевы. Точнее — Васильев и Васин, и вовсе даже не братья, но эти детали волновали Милославского меньше всего.

Едва слышный скрип двери и знакомые шаги вывели мужчину из созерцательного состояния и заставили обратить внимание на вошедшего.

— Устроил?

— Да, Тихон Сергеевич. Все как вы распорядились, без накладок. Тестирование уже завтра, но я уверен, Дмитрий справится, не зря же мы его весь последний год натаскивали.

— Хорошо. Можешь быть свободен пока. Мне утром к императору, так что потребуешься только после обеда. Отдыхай.

— Тихон Сергеевич...

— ?..

— Можно спросить? — Антон бесшумно служил у Милославского уже более десяти

лет, так что в некотором роде был даже ближе, чем родной сын, а значит, мог себе позволить некоторые вольности и любопытство.

— Спрашивай.

— Почему вы его отпустили? Вы же сами говорили, что у вас есть указание попрессовать мальчишку. Или пришли другие распоряжения? Оттуда?.. — Антон многозначительно поднял взгляд, намекая на источник новых вводных.

— Нет, все по-прежнему... — Недоумение на лице помощника немного позабавило мужчину. — Ты отчет врачей по Рогову читал?

— Нет, а этот тут при чем?

— Абсолютно ни при чем. Если не считать, что у него был приказ — запугать мальчишку, пока того сюда везут.

— Не совсем понимаю связи...

— Нет никакой связи. И абсолютно здоровый капитан свалился с ног, всего лишь коснувшись сопровождаемого. Который, к твоему сведению, был в блокирующей сбруе, а трое суток до этого провел в камере для одаренных. Я специально так распорядился, не думаю, что москвичи прямой приказ нарушать стали, ни к чему им это. Как тебе такое?

— Вы думаете, это его рук дело?

— Кроме него самого, точно никто не скажет. Хотя Василий Рогов клянется всеми святыми, что это работа нашего подопечного. Только домыслы капитана к делу не пришьешь. — Милославский вернулся за стол. — Распорядись насчет чайку, что ли? Раз отдыхать не хочешь.

Антон метнулся отдавать распоряжения. Патрон нечасто баловал его откровениями, несмотря на доверительные отношения; следовало пользоваться моментом.

— Муромский, когда ему поставили вопрос ребром, сказал, что такая возможность существует. Даже взялся повторить; не знаю только, на ком теперь проверить, — продолжил Милославский, получив чай. — Так что делай выводы.

— Вы думаете, он и вас мог? — ужаснулся Антон пришедшей мысли.

— А почему нет? Кто я ему? Опекун брата? Весьма сомнительное родство...

— Но ведь вы не просто опекун? Другой бы на его месте вцепился в такую возможность...

— Антон, вот ты сколько денег за два года сможешь заработать? Начистоту. И не просто заработать, а, допустим, в Самаре, где тебя никто не знает?

Вопрос шефа заставил ненадолго призадуматься:

— Я понял, к чему вы. Нет, миллион я бы вряд ли заработал. Но ведь и ему просто повезло. Или нет?

— Повезло. Повезло наткнуться на заговор и остаться в живых. Повезло заработать миллион. Повезло получить аттестат, не учась в школе. А еще повезло спасти дочку самого князя Кирилла Александровича. И даже получить от него приглашение на парад в День империи. Получить свой собственный титул. Не много ли везения?

— А третий отдел не мог ему во всем этом помочь? Раз уж они в нем заинтересованы?

При упоминании о подразделении, только формально входящем в ПГБ, а по сути имевшем совсем другое подчинение, Милославский поморщился.

— А зачем им? Егор им послушный для чего-то нужен, иначе давить не требовали бы. Тоже мне, нашли пугало!

— Не скажите, у нашей конторы авторитет такой, что испугаться не грех.

— Знаешь, не нравятся мне эти игры, в которые они играют! Хотя бы потому, что я не понимаю их цели! Пусть сами с мальчишкой как хотят, так и договариваются. — Милославский допил чай и поставил чашку с негромким стуком, ставя точку в разговоре.

Но после небольшой паузы все-таки пояснил свою мысль:

— Не вижу смысла настраивать талантливого одаренного парня против себя и против нашей службы в целом. Он, в отличие от того же Дмитрия — не восторженный юноша «со взором горящим». Именно такие нам и нужны. Так что пусть все идет пока своим ходом.

Дом, милый дом, как же я рад тебя видеть! Возможность сделать передышку перед нырком в клоаку под названием «высший свет» несказанно радовала. К тому же остались у меня еще в Москве люди, которым я малость задолжал. Нехорошо это. Хватит с меня плодить долги. Как там?.. Есть время собирать камни, есть время их разбрасывать. Пора немного покидаться.

Войдя со света в сумрак ангара, слегка проморгался, прогоняя световые блики перед глазами. Потом проморгался еще раз. Потряс головой. Нет, картина не изменилась: за ящиком, приспособленным нами под стол, в жилой зоне сидел Олег, в двух экземплярах. Правда, привыкнув к тусклому освещению, понял свою ошибку. Второй, хоть и был почти точной копией Земели, но все же имел отличия: какой-то более гладкий и зализанный, что ли... Особенно на фоне бледного пилота. Прямо скажем, видок моего друга оставлял желать лучшего, а у этого незнакомого типа морда так и просила кирпича.

— Егор! — Явно различимое облегчение в голосе пилота насторожило меня еще больше.

— Добрый вечер! Олег, представишь своего родственника?

Гладкий скривился:

— И к этому шкету ты пойдешь?

— Егор, этот невоспитанный тип — мой старший брат Анатолий Березин. Анатолий — это Егор Николаевич Васильев, мой будущий глава рода. — Земеля бросает выразительный взгляд на мою правую руку с новеньким непривычным украшением, которую я, честно сказать, не спешил протягивать гостю. Он, кстати, тоже не дернулся.

— Васин, — поправляю пилота.

Есть некоторые плюсы от личного знакомства с главой ПГБ. Печатку и бумаги принесли без лишней помпы прямо ему на дом, так что вместо губернатора руку при вручении мне пожал сам Милославский. И даже позволил своему помощнику Антону запечатлеть этот незабываемый момент на фото. Не знаю теперь, что делать со снимком — то ли в рамочку вставить и хвастаться, то ли спрятать куда подальше как компромат.

— Не скажу, что мне приятно, — процедил Анатолий, — но вынужден уладить некоторые формальности. Вы действительно возьмете этого к себе в род?

Слегка приподнимаю бровь:

— Что вас заставляет сомневаться в словах Олега?

— Могу я увидеть бумаги?

— Олег? — Хамство зализанного начинает выбешивать, но я пока не в курсе обстановки.

— Егор, ты можешь принять меня в род прямо сейчас? Я потом все объясню.

Да что же у него за отношения с семьей?

— Не вопрос.

Иду в свои «апартаменты», достаю заранее заготовленные бланки. В принципе, даже заполнять ничего не надо, только дату проставить, что я и делаю. С некоторым удовлетворением прикладываю к бланку печатку. Оттиск не блещет изяществом, но фамилия Васин получается четко. Дело сделано.

— Вот, пожалуйста; что-нибудь еще? — вопросительно гляжу на неприятного гостя, всем видом давая понять, что лучше бы ему ничего больше не хотеть.

— Вообще-то требуется еще пошлину заплатить и документы сменить, но поверю вам на слово, — тоном человека, делающего мне крупное одолжение, тянет мужчина.

А вот это уже за гранью добра и зла. У Анатолия печати нет, только обручальное кольцо, на кланового он не похож — не те манеры и одежда. Значок герба на рукаве приколот, но изображение мне незнакомо, да и фамилия не вспоминается, а значит, в первые полторы-две сотни старых или влиятельных родов, которые я знаю, не входит. Так что по принятой в обществе иерархической лестнице я выше его по положению, хотя и младше по возрасту — этому хлыщу, как и Олегу, около тридцатника. И, между нами — *видящими*, по уровню развития источника своему брату он и в подметки не годится — уверенный середнячок, не более.

— Потрудитесь извиниться, вы находитесь в моем доме. — Легкий болевой импульс сбивает с гостя спесь. Теперь он тоже бледный, и разница между братьями практически исчезает.

— Прошу прощения... — восстановив дыхание, выдавливает он из себя. — Раз он теперь ваш человек, то и это ваше. — На стол кладутся какие-то бумаги. — Честь имею.

На полусогнутых этот тип выходит из ангара, оставляя меня в недоумении.

— Что это было? — спрашиваю у Олега.

— А-а... Не обращай внимания! Дурак он просто: привык, что первая шишка у нас в городке, вот и строит из себя. — Пилот устало горбится, а я наконец делаю то, что хотел с самого начала, — запускаю диагностику на него. Ничего особенного, разве что печень и другие потроха в более темном, чем обычно, спектре. Это ж как надо отравиться, чтобы, будучи одаренным, так плохо выглядеть? Легкий запах перегара, который чувствуется на близком расстоянии, не оставляет сомнений в причине отравления.

Беру и листаю оставленные документы.

— Так, так... Разбитое зеркало, подожженная стойка в баре. Штраф за драку, сопротивление при задержании. О! И главный приз — автомобиль! Спаленный! — Не у одного меня, смотрю, отпуск удался. — Двадцать тысяч — это ж почти два грузовика по стоимости! Олег?

Земля поднимает на меня больные тоскливые глаза и снова прячет их за подпоркой из рук.

— Приехал. Как раз на свадьбу попал. Этот вот, — кивок в сторону выхода, — и Аня моя...

— Оу!.. — сочувственно тяну. — Загулял?

— Угу... Извини, деньги свои я почти все уже к тому моменту родителям отдал — они давно от деда съехать хотели, дом строили. Я отработаю, ладно? И спасибо, что с братом помог.

— Вот тут, если можно, поподробнее, я вообще ничего не понял.

Земля тяжело вздыхает, но пускается в объяснения:

— Дед у нас больной на всю голову. Сто лет; на кладбище с хлебом-солью давно дожидаются, а он все с наследником определиться не может. А род большой, потомков настрогал много. Еще и брат его постарался. Но работать нам невместно никак! Как же! Березины еще при Павле герб получили! Отец и кто поумнее из родни — в соседний город бусины заряжать ездят, чтоб с голоду не подохнуть, потому что этот старикашка не разрешает. Отец у деда старший, думал всю жизнь, что титул унаследует, вот и не рвался никуда. А дед на старости лет чудить начал, то одного наследником назначит, то другого, всю родню

перессорил. И, главное, было бы из-за чего! Там всего наследства — усадьба разваливающаяся да гонор непомерный. Чего, думаешь, я в армию-то подался?

— Понятия не имею, ты ж никогда не рассказывал.

— А нечего особо рассказывать: как только школу закончил, так из дома сбежал да в армию завербовался, лишь бы от остальной семейки подальше. Дед в сердцах из рода изгнал, не поленился начальнику учебки написать. Мне фамилию новую наш полкан дал. Сиплым записал из-за того, что я как раз охрип — в увольнительной до мороженого дорвался, почти на всю стипендию тогда купил... — Олег долго молчит, прежде чем продолжить, но я его не тороплю, не тот случай. — А Толик у деда последние годы в фаворитах ходил. Еще и Аню как-то уговорить смог, ее-то род гораздо нашего богаче.

— И?

— А тут я вдруг возвращаюсь. Да еще при деньгах. Дед с какого-то перепугу решил, что раз я столько родителям отдал, то у себя еще больше оставил. Вот, захотел в род обратно принять, титулом этим чертовым все соблазнял. Ну мы с Толяном и поцапались окончательно. И так-то после его свадьбы на ножах были. Веришь, чуть до братоубийства не дошло... Еще и родня опять вся перегавкалась. Пришлось сказать, что в другой род вхожу. Толя убедиться приехал, даже медовым месяцем пожертвовал... — Злая усмешка Земели заставляет усомниться, что это обстоятельство его как-то расстроило. — Родителей жалко, им в этой истории больше всего досталось... — печально заканчивает друг.

— Прорвемся! — Крепко сжимаю плечо пилота, пуская целительную волну. — Здравствуй, что ли, дворянский недоросль Васин Олег Петрович?

— Здравствуй, глава рода! Сам-то как? Где гулял-то? Ван сказал, с конца июня не появлялся. Девки-то хоть в Москве целые остались на нашу с Лехой долю?

— Остались-остались. Отдохнул — во! — показываю оттопыренный большой палец, не грузить же его подробностями.

— А седина, видимо, от перетраха взялась? Темнишь, шеф. — Несмотря на слабое освещение, Земеля заметил изменения в моем облике.

А что мне делать, если эта вроде бы мелочь целительством не исправляется? Даже маменька оказалась бессильна, а красить волосы принципиально не хочу.

— Модно так в этом сезоне.

— Ну-ну. Расскажешь?

— А ну его! Проехали. Главное, все хорошо закончилось.

Багажа у меня нет, разбирать нечего. Дорогой костюм, надетый по случаю получения аттестата две недели назад, теперь только на помойку и годится — плохо перенес знакомство с Роговым. Душ и чистая одежда приводят меня обратно в хорошее расположение духа. Еще и вкусные запахи дразнят нос.

— Ты Борю еще не видел? — спрашивает Земеля, оставшийся на ужин.

— Ярцева? Нет еще. Я же только приехал.

— Он, между прочим, у тебя живет. Дня два уже как.

— У?

Китаец, расставляющий блюда по столу, согласно кивает. То-то мне показалось, что вещи в комнате как-то не так лежат. Интересное кино.

— А где он тогда?

— Когда мы пришли, они с Бушариным куда-то направлялись, так что жди, скоро вернутся.

Пожимаю плечами: вернутся — разберусь. Приборов на столе именно на четыре персоны, так что ждать наверняка недолго. И точно, стоило о них вспомнить — появляются.

— Егор! — Борис так рад меня видеть, что почти бросается обниматься, лишь в самом конце, опомнившись, ограничивается энергичным пожатием руки.

— Здравствуйте, Егор! Я вижу, вас можно поздравить? — Александр Леонидович более сдержан, хотя тоже мне рад. Плюс обращает внимание на мою обновку.

— Да, самая дорогая во всех смыслах цацка в моей жизни... — И даже в двух.

— У меня теперь тоже такая есть. — Боря стягивает перчатку и являет миру похожее украшение, только вот радости в его голосе нет никакой.

— Поздравляю! И кто ты теперь? Я вот — Васин.

— Черный! — с некоторым вызовом отвечает новоиспеченный полный дворянин.

Опаньки!

Есть небольшая тонкость: чем меньше общего между старой и новой фамилией, тем дальше от бывшей семьи позиционирует себя новый род. Трудно найти что-то общее между Ярцевым и Черным, совпадающая буква не в счет. Что-то у Бори неладное случилось. Гадать не хочу:

— Помощь нужна?

Борис смущенно бросает взгляд на остальных. Бушарин тут же пытается что-то показать знаками из-за его спины. Да помню я, что вам, профессор, гаситель требовался.

— Понял. После ужина поговорим, хорошо?

Товарищ по экзаменам облегченно кивает.

За едой серьезных тем не поднимаем, даже и не говорим особо. Я соскучился по нормальной пище, у Милославского готовили в основном диетические блюда, полезные для его организма, тюремная баланда вкусовыми изысками как-то тоже не отличалась. Мамины пирожки закончились еще в первой половине дня, а идти в вагон-ресторан мне не хотелось: купить нормальную одежду не догадался, а костюм мой, как уже говорил, выглядел так, словно его пожевали и выплюнули. Так что за этим ужином собеседник из меня никакой. Олег набирает калории после запоя. Александр Леонидович витает где-то в своем мире физики. А Ярцев... тьфу, Черный, мысленно репетирует наш разговор. Нет, я не научился читать мысли, просто у него на лице все написано.

Первым после ужина меня утаскивает все-таки Бушарин.

— Егор! Я знаю, что злоупотребил вашим доверием, но это я позволил Борису здесь остаться. Мальчик так рвался на встречу с вами, а еще ему совсем некуда было идти, как я понял. Поэтому и предложил дожидаться вас здесь, от моего гостеприимства он отказался... — Проф виновато мнетя, но я и так понимаю, что ночевать с Борей в одной квартире он просто опасался, так что на собственном варианте не настаивал. Да и Борька вряд ли согласился бы. Одно дело переночевать у товарища-ровесника, а другое — у практически незнакомого человека.

— Понял, вы все правильно сделали, Александр Леонидович. Сами-то хоть успели отдохнуть?

— Мне здесь лучший отдых. И, Егор...

— Я помню про гасителя.

— Отлично! — облегченно вздыхает Бушарин. — С вашего позволения, я еще останусь ненадолго, хочу мысль записать, пока не ушла.

— Конечно, профессор. И я не спросил, вы к переезду в Питер — как?.. Когда будете

ГОТОВЫ?

— В Питер? — Стукнутый мешком — именно так называется выражение, возникшее на лице Бушарина.

— Мы на моем дне рождения это обсуждали... — А ведь точно, проф тогда в сторонке стоял курил, мог и не слышать.

— К августу буду готов, если пообещаете помощь Бориса и, конечно, выделите людей для упаковки и погрузки! — Общение с бывшими военными пошло Бушарину на пользу — вон как браво рапортует, и главное — ни тени сомнений.

— Отлично. Тогда запланируем на вторую половину августа. Возможно, вам придется съездить туда заранее, присмотреть жилье и помещение под лабораторию.

— Разумеется. — Озадаченный мужчина прощается и удаляется под купол додумывать свою мысль. Боюсь только, я ее сейчас спугнул новой. Ничего, у профессора голова большая, умная, в ней и больше чем две мысли поместиться должно.

Перехожу к следующему страждущему пообщаться. Суета, но мне, черт возьми, она нравится!

— А что рассказывать? — изливает душу Борис. Сначала он долго просил прощения, что приперся неприглашенным и напросился, пользуясь моим отсутствием, пожить; в общем, извинялся за все. Еще немного, и, по-моему, за свое существование начал бы оправдываться, но мне вовремя удалось повернуть разговор в нужное русло: — Ты знаешь, что у таких, как я, мать всегда при родах умирает?

— Теперь знаю. — Никогда не интересовался подробностями появления гасителей на свет. Если подумать — логично: у кого еще малышу вампирить девять месяцев? Еще, поди, и не всех полный срок вынашивают, или вообще на ранних сроках гибнут вместе с матерью.

— Обычно, если есть подозрения, женщины аборт делают, тут даже церковь не возражает, но моя мать решила меня оставить. Отец сказал, по дурацки, но мне хочется верить, что по любви... — Борька шмыгает носом и начинает тянуть *силу* больше обычного, его контроль сильно завязан на эмоции. Все, что могу сделать, — это прижать расстроенного парня к себе и поделиться *жизнью* и просто человеческим теплом, без всякого подтекста.

— Отец потом долго не женился, все боялся, что я мачеху изведу. Я ведь трех нянек своих убил, и пару охранников — наверняка тоже я... — шепотом признается товарищ. — Няньки у меня вообще дольше месяца редко выдерживали, даже если срывов не было. Потом-то, понятно, научился себя в руках держать, с семи лет контроль не терял! — гордо заявляет мой собеседник. — Ну кроме случая у тебя тогда, — опять сбивается на смущенный тон.

— Ерунда, обошлось же! — успокаиваю.

— А тут отец женился недавно на дочери делового партнера. У них маленький скоро будет... Вот он меня и отделил насовсем. Заставил прошение написать, и миллиона не пожалел!

Рассказывал Борис долго, мучительно подбирая слова, но вкратце его история сводилась к извращенной сказке про Золушку: примерно семнадцать лет назад остался Лев Романович Ярцев вдовцом с двумя мальчишками на руках. И если со старшим было все в порядке, то с младенчиком — сложно: кормилиц и нянек он изводил, если и не насмерть, то здоровья им точно не добавлял, окружающие тоже могли пострадать, не зря же он про двух охранников упомянул. Отцу, понятно, все эти годы не до личной жизни было: если что и случалось, то исключительно на стороне. Но худо-бедно справился: не удушил проблемного отпрыска

подушкой, не скинул зимой в прорубь, через все испытания прошел, а это наверняка непросто было. Тысячи раз небось решение покойной жены проклял.

Мальчишка вырос, пора в самостоятельную жизнь выводить. А тут еще и любовь случилась на старости лет. Хотя какая там старость?! Льву Романовичу вроде еще и пятидесяти нет, для одаренного — самый расцвет. Вот и решил глава оградить новую жену и будущего ребенка от опасности.

Не подумал только, что Борис до этого в закрытом мирке рос на всем готовеньком и никаких навыков самостоятельной жизни не имеет. Да еще, видимо, слова не те подобрал, чтоб решение свое объяснить. Для домашнего мальчика это оказался серьезный шок. Все, что ему пришло в голову, — сбежать и обратиться к единственному другу за пределами семьи, то есть ко мне.

В конце повествования голос Бориса неожиданно наливается злобой:

— Ничего, я знаю, где эта дрянь бывать любит! Подкараулю, и...

— Отставить «подкараулить»! — срываюсь на армейский лексикон. Мстителя недоделанного тут мне еще не хватало! Да мне бы кто миллион на титул подарил — я б этого человека расцеловать не постеснялся! Вру, конечно, — сразу же подвох начал бы искать, но у меня и желающих как-то не наблюдается.

Полночи потратил на то, чтобы объяснить Борису свой взгляд на его обстоятельства. Тот, конечно, спорил, но в итоге со мной согласился. Отец ему, кстати, еще и нехилый счет в банке отписал — просто на проценты можно всю жизнь жить, если не шиковать. Никак мужик на вселенское зло не тянет, что я изо всех сил и пытался донести до мальчишки. Хорошо еще, вслух «нормальным мужиком» не обозвал, для дворянина это за оскорбление могло сойти.

А еще Ярцев, который теперь Черный, подкованный в дворянских заморочках, предложил создать союз двух родов с моим главенством. Эдакий клан в миниатюре. Хорошая мысль: возможно, стоит и Бушарину такой вариант вместо нашего контракта предложить. Только вот так, сразу... а вдруг потом пожалеет? Интересно, а какие есть возможности разорвать потом такой договор? Озвучиваю свои вопросы будущему вассалу.

Да, я все решил, от таких предложений в здравом уме не отказываются!

— Никак. Пока живы мы оба, этот договор действует. Дети, если захотят, подтвердят. Если пять поколений договор подтверждают, то он считается закрепленным навеки. Нынешние кланы именно так и обрастали союзниками. И не переживай, на самом деле не так уж много у тебя надо мной власти будет, наоборот, это мне гораздо выгоднее.

— Почему? — А я и размечтаться не успел как следует.

— Это только кажется, что мне все равно, какую энергию тянуть. На самом деле гасителям именно *сила* человеческого источника нужна, а вовсе не здоровье окружающих. И нужна в прямом смысле, без нормальной подпитки мы рано умираем. Не знаю, как понятнее объяснить...

— Не надо, я понял. *Сила* одаренных — это как еда. Если ее нет, сойдет все остальное, но только на время, как заменитель, пустышка. Вроде как воды нахлебаться, чтоб чувство голода заглушить. Но долго так не протянешь. Верно?

— Примерно так.

— Слушай, а с бусин тогда?..

— По твоей аналогии, это тоже еда, но так себе — есть с голодухи можно, но именно что с голодухи. Нормально «наесться» можно только напрямую от одаренного. Отец старался

мне одаренных для подпитки найти, но чаще именно бусинами приходилось довольствоваться. Так что я кровно заинтересован быть к вашей компании поближе.

Кажется, сегодня ночью у меня появилась еще одна причина проведать Антона Малюту. Потому что союзный договор — это дело такое... серьезное, тем более раз на всю жизнь. Хотелось бы выяснить все заранее.

Воскресенье я и Черный — бывший Ярцев (никак не привыкну к его новой фамилии), проводим в шопинге. Недолюбливаю это занятие, да и словечко не перевариваю, но в русском языке слов для этого дела не знаю. Магази́нство? Закупочная? В общем, шопинг — он и в другом мире шопинг. Возможно, стоило отложить этот процесс до Петербурга, но не являться же к князю в гости в одежде, купленной в самой обычной лавке? Не поймут-с. Еще, подозреваю, ателье столицы забиты заказами и не возьмутся за пошив даже за очень большие деньги, которых у меня и не особо много, учитывая предстоящие траты на переезд и вообще. Перещеголять высший свет не удастся ни под каким соусом, моя задача — просто выглядеть достойно.

Не буду описывать сам поход и стоны своей жабы, итогом пятичасового марафона стал весьма скромный, по меркам знати, гардероб, несколько предстоящих примерок, а также куча счетов и убитых напрочь нервов. Если б не Борис, который неплохо разбирался во всех этих условностях, типа: «...с костюмом этого цвета полагается надевать только персиковую рубашку, а ни в коем случае не бежевую!» (кто бы еще объяснил, в чем разница: на мой взгляд, обе рубашки были одинаковые!), — эта муть растянулась бы еще на большее время, так что огромное ему человеческое спасибо за помощь.

Вернувшийся Шаман внес недостающую нотку шума в наше царство, и я наконец-то почувствовал себя дома. Леха тоже приехал не один, компанию ему составил подтянутый мужчина лет тридцати — сорока с внимательным и серьезным взглядом. Хотя насчет количества лет я мог и ошибаться, с таким же успехом ему могло быть и пятьдесят. У одаренных, особенно светлых, очень трудно определить возраст навскидку.

— Егор, знакомься: мой бывший сослуживец — капитан Баринов Александр Владимирович, позывной — Бок.

— Егор Васин, будем знакомы. — Жму протянутую руку, после чего вопросительно уставляюсь на пилота. Фамилия смутно знакомая, но никаких ассоциаций данный индивидуум у меня не вызывает.

— Гор, я тут подумал... — Ого, он и это умеет?

— Лучше я сам объясню, — перебивает его гость. — Мы с Алексеем давние приятели, жили в одном городе, потом служили вместе на границе... — Точно, вспомнил: он свидетелем на суде выступал! Были о нем упоминания в газетной шумихе вокруг шалмановско-волковского дела.

— После трибунала, — продолжает тем временем гость, — на нас — тех, кто с ним дружил, — кивает в сторону Шамана, — неприятности посыпались. По отдельности вроде мелочи, но через некоторое время стало понятно, что в части нам больше жизни не будет.

— Волковы?

— Нет, командующий округом — генерал Останин. Он в том деле не очень хорошо себя показал, вот на нас и отыгрался. Двое других быстренько организовали себе перевод, а у меня, к сожалению, такой возможности не было. Пришлось писать рапорт на увольнение, благо выслуга позволяла. Так что теперь я совершенно свободный гражданский человек. И

если возможно, хотел бы присоединиться к вам на тех же условиях, что и Алексей. Опыта мне не занимать. Могу и на зарядке работать, именно этим последние два года и занимался. Но хотелось бы, пока позволяет возраст, делать то, чему лучше всего обучен.

Теперь я знаю, в чем состоит моя миссия! Создать личную армию, свергнуть царя, разогнать кланы и насадить по всему миру Великую Демократию (или диктатуру?) имени меня! Иначе с чего бы ко мне идти исключительно бывшим воякам (парочка гражданских не в счет)? Хоть бы кто девочку привез командиру, так ведь нет — каждый мужика норовит: Бушарин — Борьку, но этот кадр хотя бы нам нужен для работы над энергоблоками; Земеля — брата, от которого пришлось избавляться; теперь Шаман — какого-то Бока, фрекен Бок ему в жены! Если еще китайцы приведут батальон своих соотечественников, я точно свихнусь. Революция неизбежна, товарищи!

Ладно, шутки в сторону, стоит присмотреться к потенциальному пополнению.

Внимательно оглядываю гостя.

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— И всего лишь капитан?

— Гор, в подразделениях МБК очень многое зависит от силы дара, — вмешивается в собеседование Шаман.

— Не только. Хотя мои двести сорок три единицы против трехсот шестидесяти единиц Алексея, конечно, не катят, — без малейшего стеснения признается Баринов. — Еще наличие связей играет роль. Тут мы с Шаманом были примерно в равных условиях, но он еще до своих подвигов и основания собственного рода считался наследником отца, а я в своей семье стать главой не смог бы ни при каких обстоятельствах.

Интересное замечание. По последним замерам в училище мой источник выдавал 283 УЕ. Весьма спорная оценка, применяется в основном у военных, поскольку учитывает суммарный потенциал всех углов, но хоть какая-то точка для отсчета. По грубым прикидкам, чисто по сырой силе я превосхожу Шамана процентов на 5–7. И это не считая имеющегося у меня второго аномального темного треугольника. То есть в УЕ, как светлый, я «вешу» сейчас примерно 380–390.

— А триста шестьдесят — это много? — поворачиваюсь к своему пилоту.

— Проходной минимум для МБК — двести двадцать. Обычный клановый показывает примерно триста пятьдесят — четыреста. У Волкова, к примеру, было триста шестьдесят три. Самый сильный, кого я знал, показывал четыреста двадцать, но, может, есть еще круче, — отвечает Шаман, — тут ведь много еще зависит от распределения по углам. Для работы с МБК нужен равномерный разброс, а целителям вроде тебя это совсем не обязательно.

— Это ты сейчас к чему?

— Просто для примера. Этот показатель очень условный.

Сам знаю.

— Земеля?

— Триста пятьдесят три в УЕ.

— Ладно, с этим разобрались. Тогда еще вопрос: мне тут говорили, что кланы опытных пилотов стараются подобрать. С этими товарищами я понимаю: индекс на нуле, никто связываться не захотел, — мотаю головой в сторону своих пилотов, — а вы почему не в клановой гвардии?

— У вас устаревшие сведения. Обученных пилотов сейчас достаточно, конкуренция высокая. И опять же предпочтения отдаются тем, у кого источник помощнее. Если б не несколько трагедий, произошедших двадцать лет назад и выбивших около двух сотен пилотов — я бы не прошел по конкурсу со своими тогда еще двумястами тридцатью УЕ. А теперь даже с тремя сотками не всех рассматривают.

— Семья? Жена, дети?

— Разведен. Есть дочь десяти лет, живет с бывшей женой.

Мужик спокоен, собран, отвечает по существу. И детство в энном месте уже не играет. Похоже, стоит взять на испытательный срок. Довести до ума один из нерабочих МБК не так уж и сложно. Только чем мне занять эту команду, пока мой проект существует только у меня в голове?

— Чем бы вы хотели заниматься? Летать — это понятно, мы все тут такие. С зарядкой тоже нет вопросов: потребуется — засядете, как все. Чего вы от меня ждете?

— Со слов майора я понял, что у вас есть агентство наемников. Но — в Москве, а вы собираетесь перебираться в столицу, — осторожно, даже вкрадчиво начинает гость, — и для работы в Питере вам потребуется открывать филиал...

— Возможно.

Если честно, на эту тему я еще не думал. Как-то все не до того было. А вот Шаман (кто бы мог его в этом заподозрить!) не просто подумал, но и нашел директора для питерского филиала «Кистеня». Однозначно, Леха вырос в моих глазах!

— Я мог бы взять на себя организационные вопросы по открытию этого филиала и по его работе в текущем режиме. При условии, что на интересные дела я буду ходить с вами.

Вот где собака зарыта! Походу майор не утерпел и слегка прихвастнул нашими подвигами. Минус ему; но плюсы пока перевешивают. Ярослав Владимирович, несмотря на имеющиеся недостатки, меня вроде устраивает, но он хорош именно здесь, в Москве, где у него за время работы скопились связи. В Питере он будет таким же новичком, как и мы, да и не обсуждал я с ним еще возможность переезда. Хотя и стоило бы это сделать до принятия решения по капитану. Не важно, какие сложности есть в нашем общении, Костин — профессионал и в деле разбирается гораздо лучше.

— Не готов говорить на эту тему. Дайте мне несколько дней на раздумье.

— Я согласен и просто рядовым в вашей команде работать, — торопливо уточняет вновь прибывший, уловив мои сомнения.

Удивленно взираю на новичка. С чего бы вдруг такой нездоровый энтузиазм?

— Не удивляйтесь. Во-первых, возможность летать: вы не представляете, что это значит для нас, вкусивших неба. — Неправда, представляю, и даже жил с этим. — Во-вторых, как я понял, своих людей вы не обижаете. Сейчас мой глава рода забирает почти половину моих заработков, и это еще не предел, — горько выдохнул Александр.

Вот тут я подвис конкретно: стандартные отчисления в родовой «общак» редко превышали 5–10 процентов. Деньги из этого фонда тратились на обучение подрастающего поколения, еще на что-то вроде пенсии старикам и инвалидам и на «представительские расходы» главы рода. Редко слышал про двадцать процентов. Но чтоб пятьдесят? При таких условиях проще вообще из рода выйти, чем носиться с полудворянским званием недоросля и возможностью прикреплять значок герба на рукав.

— Что же вас держит в семье? — решаюсь уточнить.

— Дочь. Для нее герб — это залог последующей хорошей карьеры и, возможно, более

удачного замужества. Мужчинам в этом плане проще, а для мещанки брак с каким-нибудь купцом — венец мечтаний.

Спорная позиция, но имеет право на существование. Никогда не имел детей, так что в психологии отцов плохо разбираюсь. Хотя стремление дать потомкам лучшее, с точки зрения родителей, пожалуй, было присуще многим моим знакомым.

— Давайте так. Заключим контракт, скажем, до конца осени или до Рождества. Работать будете там, где определяю, скорее всего, пока действительно в основном на зарядке. А по итогам — решим. — Надеюсь, он не думал, что я вот так, с ходу, брошусь принимать его в свой род и доверю руководство филиалом.

— Я примерно на такое и рассчитывал.

— Тогда по рукам, — очередным рукопожатием скрепляю наше будущее сотрудничество.

Суэта, беготня по инстанциям с оформлением новых документов, магазины, ателье и различные конторы съедают все мое время до конца недели. Борьку пристроил к Бушарину, чему оба обрадовались. Черный — возможности отплатить за приют, проф — своим любимым экспериментам. Троицу пилотов озадачил кучей поручений по поводу предстоящего отъезда, так что лениться им теперь тоже некогда. Возражений ни у кого не нашлось, а кое-кто мне вообще двадцать тысяч должен. Как и в случае с Олегом, прием в род Васиных Алексея состоялся буднично и между делом, праздновать это событие без Вани не было настроения. Особо остановиться стоит разве что на нескольких моментах.

Дать вольную китайцам оказалось не таким простым делом, как виделось мне вначале. Загвоздка оказалась в их подданстве. Пришлось даже наведаться к любезному Орбитину с данной проблемой. Из всей чиновничьей братии, с которой довелось пообщаться в этом мире, это, пожалуй, самое полезное знакомство. Четыре сотни, потраченные на него в июне, вернулись обалденными дивидендами в виде свободы от обязательств перед ПГБ, так что и новую задачу я рассчитывал решить таким же образом. Встреча прошла в теплой дружественной обстановке кафе неподалеку от памятного мне здания.

— Представляете, Егор Николаевич... — доверительно делится со мной сотрапезник, — помните шум тогда в здании?

Ну еще бы мне не помнить, если я и был его причиной!

— Да, было что-то такое.

— Это была спецоперация ПГБ!.. — торжественным шепотом просвещает Орбитин, многозначительно тыкая вилкой вверх, словно желая придать дополнительный вес своим словам. — Ловили опасного преступника и рецидивиста, готовящего покушение на нашего генерал-губернатора! Возможно, даже с крупным терактом!

Давлюсь непрожеванной отбивной. Пройдет еще пара месяцев, и в рассказах обывателей всплывут еще более страшные подробности, вроде покушения на честь губернаторши или присутственных дам, попытки захватить в одиночку все здание, может, еще и расстрел заложников припишут...

— Надо же... а я ничего такого не заметил, — справившись с приступом кашля, выдавливаю из себя.

— Ну еще бы, профессионалы ведь работали! В ведомстве Милославского такие зубры служат — не чета нам с вами. Я только на следующий день подробности узнал, какой опасности мы все избежали.

Рассеянно поглаживаю седой висок. Шрам давно рассосался даже под блокираторами, но привычка успела образоваться. Похоже, теперь при мысли о пэгэбэшниках рука так и

будет тянуться к бесцветной пряди над ухом.

Гады там служат; Митька не в счет, он еще не успел набраться их ухваток. Впрочем, хорошо, что юрист никак не связывает мой визит и спецоперацию: меньше знает — крепче спит.

Поужасавшись и поохав в нужных местах, удовлетворяя потребность Орбитина в подтверждении его таланта рассказчика, возвращаюсь к цели визита:

— Так что насчет моей просьбы, Николай Свиридович?

— Ничего сложного, — на салфетке этот жук пишет карандашом четырехзначное число, — пара дней — и ваш вопрос будет решен в нужном ключе. Как я понял, срок пребывания на территории империи перечисленных людей превышает необходимый минимум в десять лет, так что не вижу никаких препятствий.

Гляжу на циферки и запикиваю личного хомячка обратно в будку. Попробовал я тут обратиться с этим вопросом обычным порядком, так там столько препон увидели, что взвыл уже на третьем чинуше. После оплаты штрафов за Земелю, тысяча — не такая и большая сумма: цена одного из трех костюмов, шьющихся сейчас в ателье. Учитывая, что я все еще расту, инвестирование в китайцев кажется мне даже более удачным вложением.

— Как хорошо, что я вас встретил, я ведь как раз привез вам сувенир из Петербурга! — Роясь в папке с документами, незаметно вкладываю требуемые банкноты в яркий ежедневник с оттиском Зимнего на переплете, купленный в ближайшей лавке.

Орбитин, глянув мельком за обложку, расплывается в радушной улыбке:

— Тронут, весьма тронут. Зайдите послезавтра, Егор Николаевич, постараюсь отдариться.

— Кстати, о столице. Я ведь, Николай Свиридович, в Петербург насовсем перебираться планирую. Не подскажете ли мне кого-то, с кем в столичном ведомстве было бы так же приятно работать, как с вами?

Собеседник ненадолго задумывается, а потом молча кивает каким-то своим мыслям, прежде чем ответить:

— Могу подсказать, отчего не помочь хорошему человеку. Он, правда, не в администрации работает, а в императорской канцелярии, но с нужными людьми в столице знаком, так что при необходимости сведет с кем надо или посоветует кого. Визитку при следующей встрече подготовлю. Только, не считите за грубость, Егор Николаевич, рассчитываю на еще один небольшой сувенир. Пары блокнотиков будет в самый раз. Такие рекомендации дорого стоят.

Караул! Воруют! Грабят! Хорошо, хоть не насилуют. Опять раскошелиться; но что поделывать, такие люди всегда нужны.

«Орбитин Григорий Григорьевич, юрист, канцелярия управления делами ЕИВ», — скромно значится на полученной через пару дней белоснежной картонке. И почему я не удивлен? Еще один Гришка в коллекцию, причем этот аж в квадрате. И стоит его услуги будут, поди, недешево. Ладно, разберемся. Расставшись с дополнительными двумя сотнями, забираю до кучи документы для китайцев и сердечно прощаюсь с юристом. Кто знает, не придется ли снова в Москве решать вопросы...

Под предлогом визита к Антону Малюте навещаю архив и напрашиваюсь на аудиенцию к местной «вдовствующей королеве» — Татьяне Михайловне Арешинной. Понятно, что мадам ни разу не монарших кровей, но за манеру держаться, царственную осанку и умение

говорить строго по делу, иначе как «королевой» за глаза ее никто не называл. Вручив купленные специально для нее букет и конфеты, излагаю суть проблемы.

— Союз родов бывает двух видов: равноправный партнерский, когда решения по совместной деятельности принимаются сообща, и подчиненный, когда один род возвышается над другим, — начинает Татьяна Михайловна сеанс просвещения. — Вас именно второй вариант интересует?

— Да, но если можно, хотелось бы коротко и о первом узнать.

— Извольте. Союз создается для решения какой-либо задачи: совместная защита, общее дело, бывают и более экзотические причины, но эти две — наиболее распространенные. Если два рода примерно одинаковы по рангу и готовы вкладывать в общий проект приблизительно равные усилия, не важно, о чем идет речь — о людях, деньгах, имуществе или личном участии, то разумнее создать партнерский союз. Если один род не готов вкладываться наравне с другим, то тот, который тратит больше, получает главенство. Для какой задачи будет создаваться ваш союз?

— Вероятно, общее дело и его защита. — Не говорить же даме правду, что ручного вампира подкармливать собираюсь...

— Тогда в договоре вам необходимо прописать проект, хотя бы его краткую суть, и в рамках этого проекта вы можете распоряжаться средствами вашего союзника по своему усмотрению. — Что приятно, у Татьяны Михайловны нет ни малейших сомнений, кто будет главой нового союза, а я даже не намекал на это. Разве что списать оговорку на женскую привычку гладить мужиков по шерстке, но даже при таком раскладе лесть тонка и искусна, отторжения не вызывает.

Уточнив еще несколько деталей, собираюсь откланяться, как вдруг получаю вопрос в лоб:

— Геннадий, простите пожилой женщине вольность, в моем возрасте некоторая прямота и грубость являются обычным явлением, — достаточно интригующее начало, — скажите, как вас зовут на самом деле?

Теперь, когда основные сложности с ПГБ позади, не вижу смысла скрываться.

— Васин Егор Николаевич, — с коротким поклоном представляюсь настоящим именем.

— А до этого? — Жест в сторону печатки, которую я, головотяп, не снял перед визитом. Интересно, сколько еще таких же наблюдательных в архиве? Вряд ли много, да и в легенде сиротки Гены Иванова я больше не нуждаюсь, но прокол, конечно, эпический.

— Васильев, — злясь на себя, коротко отвечаю.

Арешина что-то обдумывает, нахмутив и без того морщинистое чело. Почему-то к этой женщине так и хочется применять величественные эпитеты: «чело» вместо «лба», «дама» вместо «старухи». До сих пор такую харизму ощущал всего у нескольких людей.

— А родом вы?.. — Что-то многовато вопросов, но мадам спрашивает явно не из простого любопытства.

— Из-под Рязани. — Острый взгляд Татьяны Михайловны дает понять, что она сложила два и два. Васильевых на Руси много, даже на Рязанщине хватает, но был один, который затмил всех, особенно в глазах людей ее поколения.

— А я все понять не могла, откуда мне знакомы ваши жесты, — поясняет женщина.

— Вы его знали?

— Было дело.

Судя по тону ответа, подробностей не будет.

— Знаете, Егор, я тут вам подготовила небольшую подборку документов. Немного сомневалась, стоит ли она вашего внимания, но решила отдать. — Из кабинетного сейфа на свет извлекается стопка заполненных папок.

Ничего себе «небольшая»! Да в этой укладке килограмма два бумаги будет, не меньше, — взвешиваю в руке неожиданный подарок.

— Почитайте на досуге. В вас виден потенциал, при хорошем покровителе вы далеко пойдете, но мне бы хотелось, чтоб вы не ошиблись в выборе.

— Благодарю, — немного растерянно отзываюсь на этот спич, — а что здесь?

— Посмотрите дома. Разве что рекомендую не показывать эту подборку случайным людям. Верить или нет изложенным фактам — ваша воля, можете просто считать это бреднями выжившей из ума старухи. — Всем видом Татьяна Михайловна демонстрирует, что выделенное мне время подошло к концу, так что спешу попрощаться. Заинтриговала меня местная королева, уже не терпится почитать, что же именно она мне приготовила.

Спрятав папки в портфель, решил печатку не снимать: для дела, ради которого иду на встречу с Антоном, титул, возможно, потребуется. Как всегда жизнерадостный младший Малюта теперь делит наш закуток с новым работником, так что общаться вышли на полюбившуюся лестницу. Мой новый статус приятель отметил, но менять сложившийся между нами стиль общения не стал, а я тем более к этому не стремился. Пирогам от Вана студент рад не меньше, чем Наташкиным, так что, сожрав первый, дает понять, что готов оказывать консультационные услуги.

— Можешь мне помочь вот с таким вопросом: надо мне выйти на студсовет Московского института гражданского управления?

— Мм... Зачем тебе?

— Надо, Антон.

— Я не любопытствую, просто хочу прикинуть, с кем лучше на эту тему пообщаться. Если по учебе — это к одним надо идти, по работе — к другим, по благотворительности — вообще к третьим.

Коротко задумываюсь.

— Скажем так, дело личное, к перечисленным причинам вообще отношения не имеет. Поэтому мне бы лучше пообщаться с тем, кто влияния там побольше имеет. А каким направлением кто там занимается — мне по барабану.

Антон задумчиво стучит пальцами по перилам.

— Задал ты задачку... У тебя вопрос горит или подождать может?

— Лучше бы, конечно, сейчас. Я в выходные опять уматываю и появлюсь только в конце лета, а там времени у меня тоже немного будет.

— А знаешь, если тебе по личному, да еще чтоб влияние имел... Скажи, лидер их золотой молодежи тебя устроит? — после небольшой паузы спрашивает Антон. — Формально он не в студсовете, незачем просто, но именно по влиянию — не знаю никого, кто был бы круче. Он и парочка его товарищей у отца свои мотоциклы чинят, как раз недавно опять пригнали.

— Еще лучше! Можешь организовать встречу?

— Встречу — нет, не того полета я птица, но если ты завтра к четырем часам к нам в мастерскую подойдешь, то смогу тебя представить, а дальше сам.

— По рукам! — Второй пирог меняет хозяина. И как только в него эта выпечка лезет: недокармливают, что ли, его дома?

Стас Трубецкой, вопреки моим ожиданиям, оказывается не манерным дрищем, а аномально здоровым качком. Из моих знакомых пожалуй разве что Шаман или Земеля могли бы составить ему конкуренцию, но не факт, не факт. А вот в итогах схватки любого из них с этой мечтой каннибала не сомневаюсь ни секунды: больше шкаф — громче падает. И в *силе* не так хорош, как наверняка рисуется перед девочками: есть темный источник, но с ярко выраженным перекосом на *молнию*, а *земля* и *огонь* чуть ли не в зачаточном состоянии, так — сигаретку поджечь или пылинку смахнуть. Но это я вообще-то малость зажрался. По-настоящему сильных одаренных, вроде моей компании или родни, по улицам не толпы ходят, так что этому кадру вполне повезло с наследственностью.

— Ну, — неаристократично тянет этот амбал, — чего надо?

— Просто поговорить.

— Говори при них, это мои люди, — оглядывается Стас на компанию своих приятелей.

— Без проблем. — Мне, наоборот, чем больше ушей, тем лучше: кто-нибудь да запустит нужный мне слух. — Елену Мальцеву знаете?

— Допустим...

— Наверняка знаете: она одно время тоже на мотоцикле гоняла.

— Допустим...

— Точно знаю, что стучит в ПГБ.

— Да за такие обвинения! — бросается на меня один из прихлебателей.

Ослабленным *непростительным* (лень придумывать новое название для болевой техники) сбиваю напавшего с ног.

— Эй! Полегче! — кричит главный бугай, но при этом благоразумно не дергается в мою сторону.

— Ерунда, полежит и отойдет, — на всякий случай пропускаю по пострадавшему целительную волну. — Мне незачем врать и незачем никого убеждать. Я здесь исключительно чтоб предостеречь, дальше — дело ваше.

Аккуратно приблизившись к валяющемуся другу, Трубецкой осматривает несчастного. Поняв, что тот действительно в порядке, просто слегка дезориентирован, более спокойно подходит ко мне.

— Доказательства?

— Ничего, кроме моего слова, — демонстрирую статусное украшение, — и вот этого, — показываю седую прядь.

— Подробности?

— Считал ее своей девушкой, в гостинице «Север», возможно, нас помнят, — подкидываю дровишек в огонь негодования очухавшегося, но все еще лежащего парня, явно более чем близко знакомого с Леночкой. — Правда, теперь сомневаюсь, что был единственным ее гостем, уж очень услужливо с ней администратор разговаривал. — А вот это — отсебятина, но чем черт не шутит. — Вместо следующего свидания оказался в застенках. Причем никто, кроме нее, не знал ни о времени и месте назначенной встречи, ни о моих грешках.

— Что-то быстро тебя отпустили... для грешника, — сомневающимся тоном тянет Трубецкой, придерживая ретивого товарища, который снова рвется в бой.

— Информация легко проверяется. В «Севере» мы были двадцать седьмого. Взяли — двадцать девятого в канцелярии губернатора, причем ловить начали еще на ступенях, так что

свидетелей была тьма. То, что сдала девка, они даже не скрывали, мне это открытым текстом заявили. Почему отпустили — не ваше дело. Вводные к размышлению предоставил, честь имею.

Сделав черное дело, благодарно киваю остолбеневшему Антону, который хоть и не слышал наш разговор, но не видеть разборки не мог, и сматываюсь, избегая лишних вопросов. В том, что нужный слух пойдет гулять по МИГУ, ничуть не сомневаюсь — парни зачастую такие же болтуны, что и девушки, просто лучше притворяются. А там, поверят или нет — дело десятое, карьеры Леночке теперь не сделать, удачное замужество тоже под вопросом. Даже если не поверят про ПГБ, шалав, вопреки мнению кино моего мира, нормальные мужики брать замуж не рвутся. Так что светит Леночке место секретутки (не путать с секретарем — весьма уважаемой мной профессией) при каком-нибудь третьесортном начальнике. Удастся ей покрыть грешки юности папиными деньгами и влиянием — флаг ей в руки, добавлять не собираюсь. Вполне достаточная месть с моей стороны.

Разговор с Костиным выходит трудным. Он и в облегчении, что я уезжаю и стоять над душой больше не буду, и расстроен, потому что пилоты здорово его выручают на проблемных направлениях. Но перебираться в Питер он однозначно не рвется, так что, похоже, Баринову все-таки придется взяться за оргвопросы, если, конечно, никто из моих пилотов не захочет заняться этим сам. Не собираюсь ставить новенького впереди старичков. Впрочем, опросив народ, понимаю, что желающих впрячься в это ярмо, кроме упомянутого капитана, нет, так что на время моего отъезда он остается в «Кистене» на стажировке, вникать в тонкости процесса. Надеюсь, зная, что готовит не конкурента, а коллегу, Ярослав постарается его хорошо научить. Собственно говоря, со мной пока отправится только Земеля, остальные останутся до конца лета тут. Затевать переезд в разгар торжеств — не самая умная идея.

Последней запланированной встречи я не то чтобы опасался, но оттягивал как мог, что иногда делал с заведомо неприятными делами. Пока не настала пятница и откладывать дальше потеряло смысл.

Семейное гнездышко молодоженов Гавриленковых ничем не отличалось по интерьеру от своей более ранней холостяцкой версии: видать, Наташка еще не успела приложить руку к убранству. Неосторожно открывший мне дверь привратник отправился отдыхать от трудов праведных под ближайшим деревом. Ничего, на улице тепло, не простудится. Немногочисленная прислуга и домочадцы тоже внезапно прилегли, так что ничего не могло помешать нашему с Иван Иванычем разговору.

— Гена, куда пропал? Мы ж тебя обыскались! — фальшиво радуется моему визиту купчина.

— Егор Николаевич Васин, с вашего позволения, — не принимаю игру Гавриленкова, демонстрируя палец с печаткой. По странному совпадению это именно средний палец, так что жест получается многогранным.

Усаживаю купца обратно в его кресло и устраиваюсь напротив, доброжелательно улыбаясь. По-моему, именно эта улыбка и добила мужика, потому что он внезапно покрывается потом и начинает суетиться под моим спокойным взглядом. До сих пор не знал, что можно суетиться, сидя на месте, но Ивану Иванычу это удастся блестяще.

— Милый дом, просторный, деревянный, дышится легко. От пожара как,

застраховались? — Даже если есть у купчины диктофон и он неизвестно как умудрился его включить, мои слова интерпретировать как угрозу никакой суд не возьмется.

Гаврюша сжимается в кресле и как будто немного усыхает. Продолжаю улыбаться, ведь не зря нас учили, что это путь к успеху.

— За-за-застрахован... — отмирает наконец Гавриленков, — Ч-что вы хотите?

— Мм? Хочу предложить вам сделку.

— Какую? — Сделки — его стихия, так что купец слегка воспревает духом.

— Видите ли, Иван Иванович... наше с вами сотрудничество так хорошо начиналось: мастерскую открыли, три заводика запустили. Мелочи какие, а сколько денег нам принесли!

— Это не ваши, это Наташины деньги! — Голос мужчины срывается и дает петуха, писк такого внушительного дядьки режет ухо. Невоспитанно прочищаю пострадавший орган слуха пальцем.

— Оу! Точно, как драгоценное здоровье вашей супруги?

— Не смейте говорить о ней в таком тоне! — Напоминание о жене благотворно действует на собеседника, похоже, здесь и впрямь «чуйства». Смахнув мысленно воображаемую слезу умиления, продолжаю беседу:

— Ну-ну-ну! Так и запишем — здорова! А вот вы что-то бледный такой; может, водички? — Беру с журнального столика стакан и наполняю водой, пользуясь даром.

Выглядит легко и непринужденно, но на самом деле требует запредельного контроля. Не совсем моя заслуга — это единственное действие с *водой*, отточенное мной-Егором до автоматизма еще в раннем детстве бесконечными тренировками. С помощью источника, если отбросить *силу жизни*, только разрушать легко, для созидания эти силы не приспособлены. Наполнить стакан — та еще задачка, мне гораздо проще затопить всю комнату, чем нацедить несчастные двести грамм, да еще не повредив посуду! Но что поделать — требуется не убить купчину, а срубить с него денег. Причем желательно не давая ни малейшего повода обвинить в давлении. Так что понты — наше все!

— Вот, чистейшая! Наверное, даже целебная! — Слегка впечатленный мужчина покорно опустошает поднесенный стакан. Проверено на себе — обычная чистая вода, никакого подвоха.

— И чего вы так всполошились? Наташины деньги можете не трогать, я о них ни слова не говорил! Но у меня и свой пай в вашем деле имеется. Я тут решил переехать, а это такие траты! Да еще раньше вы меня заставили потратиться на переезд от Натальи. А все так дорого! Ужас просто! — Огромных усилий стоит сохранять спокойный благожелательный тон, когда хочется ржать.

— И что вы все-таки хотите? — справившись с собой, спрашивает купец.

— Выкупите мой пай. И я вас больше не потревожу. Ничего общего у нас с вами не останется, воспоминания оставьте себе.

— Сто тысяч.

Тонюсенькое водное лезвие срывается с пальцев и разбивает стакан, все еще зажатый купцом.

— Что ж вы так неосторожно-то, Иван Иванович! Порезетесь ведь!

— Двести.

— А как ваше здоровье вообще? Сердечко не шалит? В вашем возрасте, да еще с молодой женой, стоит уделять здоровью повышенное внимание. — Заботливо беру купчину за руку, якобы щупая пульс и слегка взвинчивая кровяное давление.

Вырвав руку, Гавриленков некоторое время шумно дышит, успокаивая подскочивший ритм сердца.

— Сколько вы хотите?

— Есть такая замечательная круглая цифра: полмиллиона называется. Давайте сразу на ней остановимся.

Мои паи, конечно, столько не стоят, а вот в сумме с Наташкиными деньгами набежит гораздо больше, хорошо купчина сумел раскрутить наш проект; контракт с администрацией города, который мы с ним отхватили в январе, очень помог в свое время подняться.

— Вы... вы шутите? — Купец неосторожно режется осколком, все еще зажатым в кулаке.

— Нисколько. — Мимоходом, даже не касаясь, залечиваю порез. — Кстати, какой цвет гранита вы предпочитаете?

— К-к-какого гранита?

— Ну как: на памятник... Вы так плохо стали выглядеть, еще и порезались, а я предупреждал вас...

Купец устало молчит некоторое время, а потом решительно достает бланк договора и начинает его заполнять. Люблю понятливых людей, а то уже устал держать сочувственную мину, все время хихикнуть хочется. Спустя полчаса подписываем договор. Аккуратно складываю свой экземпляр и прячу во внутренний карман.

— У меня пока только чек.

— Отлично; вы же не хотите надуть своего бывшего делового партнера?

Злой взгляд купца говорит об обратном, но внешне он обреченно кивает.

— Кланяйтесь от меня Наталье Сергеевне. Впрочем, не стоит. Если денег до понедельника не будет — сам зайду проведать.

Намеки мне сегодня хорошо удаются: Гаврюша аж снова бледнеет при мысли о моем повторном визите.

— Кстати, вдруг вам интересно... — решаю все-таки добить купца, — смотрите, кто мне дворянство вручал! — Снимок с серьезным Милославским, пожимающим мне руку, производит на купца неизгладимое впечатление. Кажется, что кровь вообще полностью отлила от его лица, настолько белым становится этот обычно румяный полнокровный толстяк. — Хотел ему свои паи продать, но все-таки о вас прежде подумал. Первый деловой партнер как-никак!

Странным взглядом Гавриленков провожает меня до самого выхода из кабинета. Похрен, зато теперь сто раз подумает, прежде чем возможную пакость подстроить. Так что не сомневаюсь: в понедельник деньги будут на счете.

Пожалуй, для визита к князю я готов.

Интерлюдия вторая

Секретарь открыл дверь в кабинет, едва завидев входящего Григория. Однако, вопреки обыкновению, хозяин даже не сделал попытки встать, приветствуя гостя, и не произнес ни слова, пока Осмолкин-Орлов устраивался в кресле напротив. Такое начало встречи напрягало.

— У вас есть какие-то новости для меня? — первым не выдержал и нарушил молчание

бывший гвардеец.

— Да, но вы меня обманули.

— Обманул? В чем? — Удивление казалось совсем ненаигранным, но Гавриленков не поднялся бы с самого низа, если б не умел распознавать ложь. Теперь даже самого его удивляло, как он мог поверить и довериться этому человеку. Не иначе бес попутал. Да еще корочки одного ведомства ввели в заблуждение.

— Теперь я уже думаю, что во всем.

— А поконкретнее можно? Очень трудно, знаете ли, объясняться, не зная сути обвинений.

— Во-первых, вы обещали защиту, в первую очередь Наташе.

— С ней что-то случилось? — Иван Иванович даже передернулся от предвкушения, которое на миг мелькнуло в глазах его собеседника.

— Нет, слава богу; и со мной, как видите, тоже все хорошо, — хмуро проронил купец, — но это не ваша заслуга.

Григорий, подавшийся до этого вперед, как-то разочарованно откинулся обратно на спинку кресла.

— Тогда в чем вы меня обвиняете? — поинтересовался он с некоторой ленцой в голосе.

— Егор приходил ко мне домой в пятницу.

— И?

— Попросил выкупить свои пай. Очень настойчиво попросил. — Хозяин непроизвольно кинул взгляд на место глубокого пореза, от которого не осталось и следа.

— Он угрожал вам? — снова подобрался гость. — Шантажировал жизнью Натальи или вашей собственной?

— Вы знаете, — с неожиданной усмешкой ответил Иван Иванович, — не угрожал. Но повторюсь, просил очень настойчиво.

— Надеюсь, вы отказали?

— Я что, идиот? Конечно нет.

— Признаться, я вас не совсем понимаю...

— Давайте расставим точки над «і», Григорий Андреевич. Вы втянули меня в свою игру, заставили пожертвовать деловой репутацией. И не важно, что это всего лишь мальчишка, теперь как минимум один человек будет твердо уверен, что Иван Иванович Гавриленков нечестен со своими партнерами. А мальчишкам свойственно вырастать, господин Осмолкин.

Твердый уверенный взгляд мужчины не отрывался от собеседника, отмечая и досаду, и злость, калейдоскопом мелькавшие на его лице.

— Пообещали защиту мне и семье. Но Егор, вопреки вашим рассказам, оказался благороднее вас. Он взял гораздо меньше, чем ему причиталось бы, учитывая, что Наташа на самом деле ничего не вкладывала. Неужели вы думаете, я с самого начала не понял, кто из них главный? — Жестом хозяин заставил промолчать вскинувшегося гостя.

— У парня было деловое чутье, интересные идеи, которые могли принести гораздо больше, если б нам удалось продолжить сотрудничество. Воспользовавшись моим незнанием и чувствами к госпоже Ливановой, вы убедили меня пойти на подлость. Что ж, теперь это останется на моей совести.

— Вы просто не знаете, для чего все это было сделано! Это в государственных интересах! — предпринял безуспешную попытку убедить купца гвардеец.

— Оставьте! Мальчику был нужен титул — он его добился, как бы вам ни хотелось ему

помешать. Жаль, что не с моей помощью, но этого уже не вернуть. Вы убеждали меня, что его дела угрожают Наталье, теперь я знаю, что это не так. Егор взял что хотел, больше он со мной не свяжется.

— Вы отдали ему деньги?

— Да, перевел сразу же, как только смог. И еще, господин Осмолкин. Я знаю, что в прошлом вас связывали с моей женой романтические отношения; так вот, я очень прошу и даже настаиваю: не лезьте к ней. Я сумею сделать Наташу счастливой. И не надо больше искать встреч ни со мной, ни с моей семьей! Вы достаточно натворили дел.

— Напрасно вы так...

— Поверьте, это взвешенное решение.

Дождавшись, когда за недовольным посетителем хлопнет дверь, Иван Иванович облегченно растекся по собственному креслу и слегка ослабил узел шейного платка, заботливо повязанный с утра молодой женой. Наташа — вот, пожалуй, единственное светлое пятно во всей этой некрасивой истории, которую втемную разыграли двое только что расставшихся мужчин.

Невольно, но Егор помог купцу справиться с состоявшимся нелегким разговором. Именно снимок, показанный парнем напоследок, убедил Гавриленкова, что речь идет не о национальной безопасности, а о каких-то подковерных играх этого ведомства. Кстати, при демонстрации фото молодой человек рисковал, что купец просто не узнает Милославского, все-таки тот не являлся публичным человеком и его лицо не мелькало на страницах прессы или экранах телевидения. Но, связавшись с Осмолкиным, Иван Иванович соизволил поинтересоваться вопросом и без труда опознал главу ПГБ.

За собственную жизнь или жизнь семьи купец не волновался. Выбыв из игры, он перестал интересоваться обе стороны, хотя Григорий еще мог попытаться снова втянуть Наташу в свои темные делишки. Ничего, диагностированная недавно беременность удержит жену от опрометчивых поступков. А то, что ребенок, возможно, окажется одаренным, мужчину не волновало. Чья корова — того и теленок. Сам Гавриленков после перенесенной в юности болезни не мог иметь детей, так что и старший его сын был приемным.

Валяюсь в купе на хрустящем накрахмаленном белье и немзыкально мычу старую песенку про однофамильца. Давно заметил, что этот мотивчик привязывается ко мне на пороге перемен. Вроде не суеверен, но закономерность прослеживается, были случаи обратить внимание.

Поезд ехал, Земеля дрых на полке напротив, отсыпаясь после бессонной ночи.

Шаман тут на днях отозвал меня в сторонку:

— Гор, в курсе, что с Олегом?

— ?.. В смысле? Вон он, вроде жив-здоров, а что?

— Да я не про это! Ведет он себя последнее время... странно.

Посмотрев на сосредоточенного Земелю, увлеченно ковыряющегося в настройках второго темного доспеха на пару с мастером, я не увидел никаких подозрительных симптомов.

— Не знаю, нормально вроде себя ведет...

— Здесь-то нормально, ты просто не видел, что он в мебелировке вытворяет!

— А что там у вас вытворять можно? Пить вы вроде не пьете особо... Гольшом по этажам бегает? Народ достает? — Упомянутый Земеля оглянулся в нашу сторону, словно почуяв, о ком идет речь.

— Нет, ничего такого. По бабам он пошел.

— Кто бы говорил? — ехидно ухмыляюсь Шаману. — Кто гаремом обзавелся и чередует ночевки?

На Лехином лице — ни тени смущения, одно только беспокойство.

— Вот зря ты так! Уж я вроде вниманием не обижен, так теперь за ним угнаться не могу. Верись, нет — как девчонку себе присмотрю, так Земеля ее обязательно уведет, — даже немного обиженно пожаловался наш известный бабник.

— Не обращай внимания. Отойдет. Домой неудачно съездил, вот и отрывается.

— Ага, все-таки не соврал, значит, что с невестой порвал! Я, признаться, сначала не поверил, слишком уж карамельная там история была.

— Была и была, чего теперь ворошить? По мне — пусть оторвется. Тем более мы с ним через несколько дней в Питер уедем, будет тебе простор для походов.

— Да ладно, это я так; не похоже просто на него, вот и решил предупредить.

— Угум. Приму к сведению.

То, что Земеля сорвался в загул после его истории — неудивительно. Доказывает, видать, себе, что все еще хоть куда. Перебесится — успокоится. На работе это не отражается, а личное — это у каждого личное.

Накануне отъезда я и сам, признаться честно, поучаствовал в прощальной вечеринке, устроенной парнями у себя дома. Недорогие мебелированные квартирники-студии до боли напомнили молодежные рабоче-студенческие общаги моего времени, собственно, они ими и являлись, так что быстро вписался в обстановку. На фоне пилотов я, конечно, не особо котировался, все-таки сравнивать двух качков-красавцев и меня — пока еще мелковозрастного и худосочного — было некорректно, но внешностью меня тоже бог не обидел, язык подвешен хорошо, так что нашлись и на мою долю любительницы, причем даже вполне в моем вкусе. В общем, женской ласки напоследок ухватить удалось, в Питере точно

не до этого будет.

И вот очередной поезд везет нас в столицу. По большому счету в Земелином сопровождении не было особого смысла, брал его с собой исключительно для моральной поддержки. В гости он со мной не отправится, найдет себе место в какой-нибудь гостинице или снимет квартиру-комнату. Пока я буду отрываться, пробежится по объявлениям, поищет нам варианты для переселения. Просто мне будет спокойнее при мысли, что я не совсем один в этом городе.

У меня сна не было ни в одном глазу — на протяжении ночи несколько раз приходилось взбадривать себя ударной волной *жизни*, и, кажется, я с этим слегка переборщил. Состояние было как после передоза энергетика: умом вроде понимаешь, что надо поспать, а организм кричит: «Давай-давай-давай!» Можно и принудительно себя успокоить, но как раз это действие мне не очень хорошо давалось, а медитировать не хотелось категорически, источник сам справится через некоторое время.

Для отвлечения взял купленную в последний момент в привокзальном киоске книжонку «Двадцать легендарных кладов» — тема поиска сокровищ была мне близка. Читиво оказалось занимательным. Особенно заинтересовала история про казну, вывезенную при нашествии Наполеона в 1812 году. Обоз Ковычева, сгинувший где-то в болотах Карелии, состоял из ста подвод, груженных метеоритами. Сочетание слов «болото» и «алексиум» давало немалый простор для фантазии. Питательный раствор, слитый когда-то в тайной лаборатории на бобринских землях, при проверке оказался обычной болотной жижей; правда, вероятно, из двух разных мест. Эксперт из гослаборатории, принявший заказ на анализ, при выдаче результата смотрел на меня как на идиота. Еще бы: потратить две тысячи на то, чтобы узнать состав грязной болотной водички, — не каждый день такие придурки находятся.

А вот мне потраченных денег было не жаль ни капли — скудные остатки прежней роскоши, замоченные в жиже, показали рекордный рост в один процент от общей массы за неполные три месяца. То есть в год прирост составит около пяти процентов, а это круть. Просто находясь на воздухе, алексиум прирастал где-то на сотые процента в год, в различных растворах — от 0,1 до 2 %, а в обычной болотной воде — пять! К чему я об этом: где-то в болотах вымачивается куча алексиума; по моим прикидкам, изначально было тонн пятьдесят — шестьдесят, хотя, возможно, это я преувеличил, кроме метеоритов на подводах еще и припасы для возниц и охраны должны были лежать. Пусть будет сорок тонн. Двести пять лет. По пять процентов.

Взяв листочек, принялся умножать. Почти сломался на сотой итерации, но из принципа довел расчет до конца. Перепроверил. Уставился на бумагу, боясь поверить собственным глазам. Если я нигде не ошибся, а я не ошибся, то где-то на природе лежат бесхозными 700–800 *тысяч тонн* алексиума. Охренеть! В несколько сотен раз больше, чем нынешняя казна императора, собранная заново с тех времен.

Помечтав немного о том, что можно было бы сделать с эдаким богатством, утешил себя мыслью, что ничего, — за такое просто притопят в том же болоте. Так и уснул, сжимая в руках исчерканный листок, и снилось мне в кои-то веки что-то эпическое, с пафосным преодолением. Слишком впечатлительный я стал в последнее время.

Расставшись с Земелей у ворот особняка, перекрестился (мысленно, все-таки не церковь, чтоб при входе креститься) и тронул колокольчик. Миленькая горняшка с глазами убийцы открыла дверь:

— Господин?

— Егор Николаевич Васин, в девичестве Васильев, по приглашению князя. — Легкий еле слышный фырк показал, что немудреную шутку оценили.

— Прошу; сейчас доложу.

Подоспевший слуга ловко освободил меня от поклажи, предложив подождать на громадном диване в холле. Ей-богу, у меня в прошлой жизни комната меньше была, чем этот монстр, притворяющийся мебелью.

— Егор! Рад видеть вас! — Что бы ни хотел сказать дальше радушный Михаил, вышедший меня встречать, узнать мне было не суждено. Огромный волкодав, до этого лениво трусивший за княжичем, раскрыв пасть, молча метнулся с лестницы в мою сторону.

— Шер! Фу!!! — Ага, а он так и послушался.

Начинать визит с убийства любимого бобика Задунайских показалось мне не комильфо. Не то чтобы я именно этими словами подумал, но смысл был примерно такой. Попытка перепрыгнуть диван и спрятаться за креслом ни к чему не привела — легким движением лапы пес перевернул меня заодно с укрытием, словно мы вместе ничего не весили и... стал вылизывать мне лицо. Когда-то знакомый владелец лабрадора сказал про его охранные качества — не лает, не кусает, может только зализать до смерти. Теперь я знаю, как это должно выглядеть — такое выражение радости чуть не привело к преждевременному инфаркту. Или гибели собаки в следующую секунду, так как мне было уже пофиг на гостеприимство. Просто все произошло настолько внезапно, что только один миг отделял меня от расправы над животным.

Пока суетящийся Михаил оттаскивал сумасшедшую псину, совершенно по-пролетарски кроя ее матом, пока взволнованные домашние подоспели ему на помощь, я заметил совершенно небывалую вещь — у собаки был источник! Слабенький, совершенно не похожий на человеческий, но был! Причем явно ориентированный на *жизнь*. Собака-лечака?

— Боже мой! Простите!..

— Это просто безобразие! Маша, я тебе давно говорил: твоему псу не место в доме!

— Он никогда себя так не вел!

Разноголосый гомон с трудом прорывался сквозь набат сердца в ушах. Хорошенькое начало визита!

— Я в порядке. Чего не скажешь о моей гордости, — поспешил уверить всех собравшихся в преждевременности начала организации похорон.

— Ах, Егор, простите за такое! Могу только сказать, что раньше он никогда не выражал свои симпатии так бурно. — Подоспевшая на шум Антонина Викторовна попросила у меня прощения.

— Ничего страшного, но, признаться, очень неожиданно.

Пережив все ахи и охи, был препровожден в предоставленные мне апартаменты. По-другому назвать эти комнаты язык не поворачивался — слишком здесь все было... слишком. Как в музее или декорациях фильма. Каким-то неведомым образом за столь короткое время багаж уже оказался аккуратно разобран в шкафу, так что мне только оставалось сменить пострадавший от слюней пиджак на подобный. Эх, не живет у меня одежда. Наверняка этот пес — тайный фанат Рогова.

Неожиданное происшествие, как ни странно, сняло налет официальности с нашего общения. Эмоциональное обсуждение странного поведения Машиного любимца стало главной застольной темой, и я наконец увидел этих людей людьми, а не аристократами.

— Шер очень умный, он вообще умнее многих людей, — почти плакала Маша, переживая за судьбу пса. Стандартная поговорка собачников, но если учитывать, что у псины есть источник, то вполне может быть. — Это очень редкая порода, таких только в императорских питомниках разводят.

— Мария! — слегка повысил голос отец, — Не можешь уследить за ним — отправляй на двор. Или запирай в своих покоях. Но чтоб подобное больше не повторилось! Иначе весь твой зоопарк окажется за городом.

— Хорошо, папа. — Маша злобно зыркнула в мою сторону. А я тут при чем?

И вообще, если речь идет о зоопарке, то мне определенно стоит держаться от этой милой девушки подальше. Кто знает, что у нее еще есть в коллекции? Хомячки, плюющиеся огнем? Морская свинка, пуляющаяся молниями? Не уверен, что выживу, если меня так же полюбит остальная ее живность.

Остаток вечера нас с Петром, прибывшим через полчаса после моего фееричного появления, развлекал Михаил. Поиграли в бильярд, пообщались, перешли на «ты». Разошлись рано, поскольку завтра предстоял трудный день.

Утром, несмотря на предпраздничные хлопоты, попросил князя уделить мне несколько минут для частного разговора.

— Кирилл Александрович, прошу меня простить, но в прошлый раз я ввел вас в заблуждение.

— И в чем же? — Князь в отличие от дам уже при полном параде и, по-моему, даже рад возможности скрыться ненадолго от жены.

— В своем происхождении. Я не имею чести быть знакомым с князем Александром Павловичем Потемкиным, которого вы, вероятно, имели в виду при нашем прошлом разговоре, и тем более не горю желанием набиваться ему в родственники.

Готовясь к визиту, я долго думал, стоит или нет поменять внешность, сгладив так бросающуюся в глаза похожесть. Некоторые факты, изложенные в подборке Арешинной, так и подбивали на этот шаг, но по здравом размышлении отказался от этой идеи — любая манипуляция с источником, а в особенности с *жизнью* уменьшала эффект, причем пропорционально, поэтому существовал немалый риск вернуться к истинному облику в самый неподходящий момент. К примеру, Шаман после боя выглядел самим собой, хотя при нормальном ритме жизни его маскировки хватало дня на три-четыре.

— Однако ваше несомненное фамильное сходство говорит об обратном, — попыхивая зажженной трубкой, возразил мне князь.

— Возможно. Я не знал своего отца или человека, которого считал таковым, поскольку он погиб до моего рождения. Так же как и матушка моя не знала своего отца, являясь круглой сиротой, поэтому утверждать наверняка не берусь. И гипотезу вашу мне нечем ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Вам так претит возможное родство с ними? Почему? Вы могли бы многого достичь под рукой князя.

— И с таким же успехом я могу выставить себя на посмешище или хуже, окажись сходство случайным капризом природы. У их сиятельства князя Потемкина достаточно законной родни, чтоб не волноваться о судьбе случайного родственника.

— Что ж, дело ваше. Но уверяю, любой мало-мальски знакомый с Потемкиными человек увидит то же, что и я.

— Далеко не факт. Аристократия перероднилась, и я точно так же могу оказаться

родственником по какой-нибудь побочной ветви, о чем и подумает большинство.

— Я понял вас, Егор. И хотя продолжаю считать, что вам бы не помешало их признание, не буду настаивать. И, если представится случай, советую не отметить с ходу возможность их участия в вашей судьбе, — жестом мужчина остановил готовые сорваться с моей стороны возражения, — вы еще молоды... В любом случае, моя благодарность за спасение Маши не зависит от этого факта, а предназначена лично вам.

— Благодарю за понимание.

Взмахнув рукой с зажатой трубкой, Задунайский разрешает мне удалиться, оставшись наслаждаться последними минутами отдыха. Не знаю, удалось ли мне его убедить и были ли у князя планы с моей помощью укрепить связи с Потемкиными, но что еще сделать в сложившейся ситуации — придумать не смог.

Надо было просить деньгами.

Торжественное зрелище марширующих колонн вызывало двойные чувства.

Да, парад. Да, красиво. Места — зашибись, рядом — весь цвет империи, кругом камеры, трансляция идет в прямой эфир. Из непонятно откуда взявшегося духа противоречия страшно захотелось поковырять в носу, причем не просто смахнуть козявку, а засунуть в нос полпальца и смачно попытаться достать до мозга. Понятно, что ничего такого не сделал, но от невозможности этого действия хотелось еще сильнее.

Вдобавок обострилась личная шизофрения, с которой вроде бы уже сроднился. Часть, которая осталась от Егора — была в восторге, а вот основная личность хотела плюнуть на все и напиться. В очередной раз остро почувствовал, что это не мой мир, здесь нет и никогда не было моих старых друзей, здесь не было Октябрьской революции, не празднуют День Победы. Зато, подумав немного, нашел положительные стороны — не было братоубийственной гражданской войны, не было миллионов жертв Великой Отечественной. Но желание напиться все равно осталось.

На фоне депрессии, вызванной парадом, начало Большого императорского бала прошло практически мимо меня. Взяв на себя обязанности по опеке надо мной на данном мероприятии, Антонина Викторовна нашла мне на первые танцы партнерш подходящего возраста, что наверняка было не так уж и просто. И, надо сказать, я не сильно помог в исполнении этой задачи, продолжая дуться на судьбу, вместо того чтобы развлекать девушек. Улизнув от бдительного ока княгини, после очередного танца спрятался в какой-то нише, надеясь перевести дух. Наверное, повторю набившую оскомину банальность, но данный вид времяпрепровождения как-то мало напоминал мне отдых.

Но я ведь и не развлекаться сюда ехал.

Эта простая мысль наконец-то привела меня в рабочее состояние. Связи и знакомства сами собой не образуются. Никто здесь не ждет меня с распростертыми объятиями, своих таких хватает, но если продолжать ныть и прятаться, две предстоящие недели можно просто вычеркнуть и списать в убыток. Волконский вон не тушует, трется у разных групп, приглашает девиц, знакомится с их родителями. Тем же самым занимался Михаил, хотя и не так активно, этот больше вертелся в стайке поклонников неизвестной мне красавицы. Вениамин выгуливал невесту, но тоже не чурался перекинуться словом-другим с перемещающимися по залу гостями.

Ноги в руки, и вперед!

Взбодрившись, из ниши собрался выходить с совершенно другим настроением. Поностальгировать и даже напиться можно будет и потом, а пока — работать.

— Мадемуазель, позволено ли будет простому смертному, сраженному вашей красотой, пригласить вас на танец? — Чем хороши крупные мероприятия, так это тем, что можно не дожидаться представления, а представляться самому. Девушка, пытавшаяся спрятаться в «моей» нише, негромко ойкнула и обратила на меня внимание.

Черт, «вода-молния-земля»... это явно кто-то из великих княжон.

Склонившись в положенном поклоне, извинился за фамильярность. Насмешливый взгляд царевны ожег не хуже пощечины.

— Егор Николаевич Васин, к вашим услугам, ваше императорское высочество, — представляясь, мучительно думал, какие кары придуманы для наглых мелких дворян, посмевших докучать императорской семье.

— А знаете, Егор Николаевич, пожалуй, я уделю вам один из оставшихся танцев. — Извлеченная на свет бальная карточка подтвердила серьезность намерений принцессы. Вот ведь!.. интриганка. Явно хочет моими руками насолить кому-то.

— Это честь для меня, ваше императорское высочество!

— На балу можете называть меня по имени-отчеству, — разрешила принцесса.

— Благодарю за честь, Ольга Константиновна. — Попав ногой в колесо — пицци, но беги. Неожиданная милость, вполне возможно, станет хуже немилости.

Всегда считал бреднями, что избалованным вниманием окружающих высокородным дамочкам будет в радость простое человеческое общение, поэтому не стал навязываться в сопровождающие, но не тут-то было. Ведущая какую-то свою игру принцесса вцепилась в меня и вовлекла в компанию придворной молодежи. Пришлось включать обаяние на максимум и развлекать десяток молодых людей обоего пола различными байками из провинциальной жизни. Поняв, что я всего лишь мимолетный каприз ее высочества, свита успокоилась и перестала на меня косо смотреть. Разве что довольно быстро определившаяся причина нетипичного поведения принцессы — английский лорд — некоторое время явственно выражал недовольство, на радость затейнице. В ответ я всем видом и поведением постарался дать понять, что всего лишь исполняю неожиданную прихоть великой княжны, и, кажется, преуспел. И, по-моему, даже заслужил некоторую признательность, ответив на какую-то реплику на языке Туманного Альбиона, который в этой реальности вовсе не был таким распространенным. Глаза княгини Задунайской, нашедшей меня в столь высоком обществе, на мгновение удивленно сверкнули, чтобы далее отметить одобрителем взглядом.

Оттанцевав предложенный принцессой вальс, точнее — его местную похожую разновидность, я перестал быть на балу чужеродным элементом. К концу мероприятия стер ноги и язык, но перезнакомился, по-моему, с половиной зала, умудряясь удачно избегать присутствовавшего здесь Павла Потемкина. Слава богу, тот уже вышел из молодежного возраста и подошел к принцессе всего раз за весь вечер, предпочитая проводить время около императора и людей постарше.

...Еще два бала подряд провел подобным образом. Подходя засвидетельствовать свое почтение Ольге Константиновне, что теперь требовалось делать на правах представленного, неизменно сталкивался с требованием развлечь общество. В иных обстоятельствах роль некоего шута могла бы мне показаться неприятной, но не в этом случае. Помимо золотой молодежи к ее высочеству подходили и дельные люди, которым удавалось представиться и даже перекинуться словом-другим. Такие мимолетные знакомства давали возможность позже продолжить общение, что я и старался делать. Так в моем активе оказались несколько

именитых профессоров из Петербургского университета, а также военных, промышленников и просто влиятельных людей. Понятно, что никто из них не поспешил пообещать мне всемерное содействие и поддержку во всех начинаниях, они часто и в разговор неохотно вступали, но мне многого и не требовалось, удачей было хоть сколько-то заинтересовать и запомниться. К примеру, весьма известный профессор Колесников пригласил меня по окончании торжеств навестить его и продолжить зацепивший его спор по поводу развития компьютерной индустрии. Еще несколько человек заинтересовались моими аргументами по банковской охране. Так что бесполезным это времяпрепровождение назвать никак нельзя. Работа.

А развлечение нашлось в доме Задунайских. Холодная война между мной и Машей, начавшаяся после инцидента с собакой, набирала обороты и перешла в период обострения. Заметив мою нелюбовь к вареной моркови, мелкая пакостница разнообразила рацион семьи морковной запеканкой, морковным суфле, морковью в каше и даже пирожками с сей полезной начинкой. Апофеозом овощной атаки стал морковный десерт, поданный на один из завтраков. Такую бы наблюдательность, да в мирных целях! Как уж она уговаривала на это прислугу — оставалось тайной, но конец морковному изобилию положил князь, завтракавший со всеми.

— Дорогая, наш повар, по-моему, стал повторяться. Проследи, пожалуйста, за меню, — насмешливо глянув в мою сторону, попросил супругу Кирилл Александрович, отодвигая от себя нетронутый кусок оранжевого торта.

Антонина Викторовна, без сомнения, тоже догадывалась о причине и виновнике овощной диеты.

— Прослежу, конечно, — с лукавой улыбкой, обращенной к дочери, ответила княгиня.

— Егор Николаевич! А правда, что вы владеете МБК? — Княжна чуть ли не впервые за несколько дней обратилась ко мне напрямую.

— Да, Мария Кирилловна, у меня их даже несколько. — Отрицать правду было глупо.

— Зачем вам несколько? — Тема настоящих мехов в моей собственности, похоже, была интересна всем присутствующим, поэтому никто не спешил вмешиваться в беседу.

— Зарабатывать на жизнь. Я владею охранным агентством.

— О, значит, вы профессионал?

— Ни капельки, — с улыбкой признался я, — для этого требуется обучение, которого я не проходил. А я пока — так, освоил на уровне новичка.

— Значит, вы вводите в заблуждение своих нанимателей? — Оборот разговора с попыткой выставить меня обманщиком не понравился родителям княжны, но я спокойно ответил:

— У меня под началом есть обученные пилоты, да и сам я все-таки далеко не безобиден.

— Помню, настоящие звери! — подтвердил Михаил. — Видел их в деле. Да и Егор скоро от них не будет отставать.

Благодарно киваю неожиданному заступнику.

— Тогда, наверное, это они меня спасли, а не вы? — продолжила наступление Маша.

— Трудно сказать. Я считаю, что в конечном итоге вас спас брат, а моя помощь оказалась довольно случайной.

Несмотря на недовольные лица старших, мелкая не остановилась:

— А, может быть, покажете что-нибудь из ваших умений? У нашей охраны есть доспехи, можно одолжить на время.

— Вряд ли кто-то согласится, это же как личная вещь, — пытаюсь уклониться от привалившего счастья.

— Я мог бы предоставить свой, — неожиданно врывается в разговор начальник охраны, завтракавший в этот день со всеми.

— В черте города? Разве это возможно?

— У нас есть полигон на море, — тяжелая артиллерия в виде князя ломает мой план обороны, — все равно проветриться собирались.

Это да, на обед у нас запланирована морская прогулка с целью полюбоваться парусной регатой. Вениамин в ней участвует, а мы собирались поболеть за него, наблюдая с борта большой семейной яхты. Для князя, собравшегося встать за штурвал, это, видимо, была редкая отдушина и возможность провести время с семьей в череде торжеств. Вряд ли он получал большое удовольствие от всех этих балов, скорее, так же, как и я, использовал их для нужных встреч, только понятно, что на своем уровне.

— Могу и показать, только чудес от меня не ждите, хорошо? Я действительно только новичок.

Добившись своего, княжна довольно сверкнула очами, вернувшись к злополучному оранжевому десерту. Пришлось показать, что раздосадован, пусть порадует. Ну не злиться же мне всерьез на четырнадцатилетнюю девочку? Она что, думает, я сейчас пойду и заплачу в уголке от предстоящего позора? С чего это? Всем понятно, что ничего такого показать я не смогу, тем более что специально это подчеркнул. Любопытно им узнать мои возможности? Да флаг им в руки. На уровне клановых — весьма средние. Только на прошедших балах видел человек двадцать с источником больше своего. Конечно, есть свои нюансы — в конфликтах между одаренными выигрывает не тот, кто мощнее, а тот, кто умелее и ловчее. Потому что единственная правильная тактика — не подставляться под удар. А наилучшая — не вступать в противостояние совсем.

Подстраивая под себя чужой мех, наконец понял, о чем твердили пилоты. Отклик на любое воздействие шел с помехами, как-то лениво, если можно так выразиться. Бушарин форевер!

— Господи, ну и убожество; как в этом люди летают? — недовольно бормочу себе под нос, забыв о рации.

— Что-то не так? — приходит по связи обиженная реплика от Ельнина.

Прикусив язык, мысленно крою себя матом за несдержанность.

— Все нормально, Артем Игоревич! Приспосабливаюсь.

Полетав некоторое время наперегонки с Михаилом и Петром, которому тоже предоставили возможность похвалиться, выпустил несколько выученных водяных лезвий в сторону открытого моря. В отличие от воздушной акробатики, здесь показал себя на уровне с княжичем, хотя и не стремился особо выкладываться. Волконский продемонстрировал свои фишки. Если абстрагироваться от сравнения с Земелей — впечатляет: любой такой плазменный удар запросто прожжет насквозь борт корабля или стену дома. Потери энергии, кстати, у него тоже были дикие: вот бы Борис порадовался рассеянной задарма *силе*...

— А можете продемонстрировать, как вам удалось вывести из игры бандитов и нас? — провокационно подначивает начальник охраны.

— Предпочту воздержаться. Техника неотработанная, могу ненароком кого лишнего зацепить, нападение еще потом пришьете. — Вылетевшее словечко страшно диссонирует с респектабельной обстановкой яхты, но Задунайские, как воспитанные люди,

воздерживаются от комментариев, разве что Маша отчетливо хмыкает.

— Жаль, это было бы интересно, — поддерживает подчиненного князь. Что ж, раз хозяин просит, придется показать хотя бы часть возможностей. Сосредоточившись, подлетаю к паре матросов, возившихся с каким-то делом на палубе, и на небольшом расстоянии бросаю в их сторону волну сна. Слабую, но этого хватает, чтоб они повалились на доски, тут же вскочив и оторопело встряхивая головами.

— Как-то так. Если не удерживать, то при первом же ударе человек проснется. Может даже громкого звука хватить, — чуть-чуть раскрываю секрет. Можно, конечно избежать указанного недостатка, но с чего мне выкладывать все карты? Я уже и противодействие придумал: достаточно поддерживать особый несложный режим источника, как данная техника становится абсолютно бесполезной; но я еще не сошел с ума, чтобы пускать это знание в массы.

— А как вам удалось засечь грузовик с Машей? — дождавшись моей неуклюжей посадки, спрашивает Кирилл Александрович.

— Прилепил маячок на машину. — Если техника сна для меня является ограниченно секретной — все равно все целители ею владеют на разном уровне, то мои способности *видящего* разглашению не подлежат — слишком шикарный козырь.

Убедившись в моей несостоятельности как пилота — а летал я немного изящнее коровы, особенно на фоне клановых парней — Маша победно оглядела собравшихся. Заметив это, Антонина Викторовна отвела ее в сторонку, после чего принцесска поубавила злорадство, но все равно нет-нет, да и поглядывала на меня с видом: «А я же говорила!» Посмеявшись про себя, не стал разочаровывать девочку, притворившись, что страшно комплекую от своего неумения. Не знаю, удалось ли обмануть старших, но Машу порадовал.

Возможность примириться с моим существованием появилась у княжны примерно на десятый день. К этому времени все уже порядочно утомились от общественной жизни, но усиленно продолжали держать лицо.

— Ну па-а-па... — тянула Маша в момент моего появления на завтраке.

— Мария! Не зли меня. Одну я тебя не пущу! — отрезал Кирилл Александрович в ответ на какую-то просьбу дочери.

— Я с Матильдой Генриховной! — не собиралась сдаваться княжна.

— Даже слышать не желаю!

— Вот!.. — Дальше слов не нашлось, и девочка выскочила из столовой.

— Мм? — побоялся я как-то прокомментировать сцену. — Доброе утро!

— Доброе утро, Егор! Не обращайтесь внимания — ссоримся спозаранку... — Кирилл Александрович устало откинулся в кресле. Даже ему, с прокачанной *жизнью*, нелегко давался праздничный марафон, а Антонина Викторовна второй день не выходила по утрам, предпочитая завтракать попозже и в своих покоях.

— Доброе утро, что за шум? — Наследник появился в зале практически следом за мной.

— Да Маша опять просится на финал. А сопровождать ее некому, сегодня же опера, — объяснил суть конфликта князь.

— Простите, что вмешиваюсь, а о каком финале речь? — любопытствую. Как-то не представлял я Машу фанаткой футбола, чемпионат которого заканчивался где-то на днях.

— Бои без правил. — От неожиданности давлюсь воздухом на вдохе; футбол, оказывается, был не худшим вариантом.

— Скорее всего, не то, о чем вы подумали, — правильно оценив эту реакцию, поясняет специально для меня князь. — Гвардейцы устраивают поединки в ваших любимых доспехах. Очень зрелищно, мы почти каждый год ходим, но финал почему-то в этот раз перенесли, так что билеты пропадут.

Лучше б пропали билеты в оперу! Идея формируется мгновенно, но озвучивать ее опасаясь. С другой стороны, не спросишь — и ответа не получишь.

— А могу я вместо оперы сопроводить Марию Кирилловну на финал? — осторожно интересуюсь у отца семейства.

Хозяин какое-то время пристально изучает мою наглуемую физиономию. Михаил и Петр, подтянувшись в столовую, втайне досаждают на свою нерасторопность. Похоже, не один я мечтаю откосить от возможности приобщиться к великому искусству.

— Признаюсь, в опере я полный профан. А медведь, потоптавшийся на ушах, вообще закрыл мне путь в театралы... — слегка дожимаю князя.

— Ну что ж... идите. Охрану только обязательно возьмите, Артем Игоревич выделит людей, — сдается мужчина. Видимо, возможность угодить дочери смиряет его с невысоким статусом провожатого. Парни завистливо вздыхают.

— Миша, найди Машу: скажи, что ей компания нашлась. — Княжич послушно уходит на поиски сестры.

— Спасибо, Егор Николаевич, — тихо, но впервые искренне благодарит меня девочка, проходя к своему месту.

— Знаете, Мария Кирилловна, мне самому ужасно интересно, — заговорщицки отвечаю мелкой, и совсем шепотом, чтоб услышала только она: — Спасибо, что спасли от оперы.

Машка тихонько фыркает, задорно оглядывая присутствующих. Как же мало надо человеку для счастья!

— Ор-лов! Ор-лов! Ор-лов! — скандирует многотысячная толпа, и мы вместе с ней. Племянник моего надзирателя является фаворитом состязаний, в третий раз защищая свой титул чемпиона. Кстати, увидел в толпе и самого Гришку. Одетый с иголочки, он ничуть не вписывался в свой привычный образ и плохо представлялся в нашей обычной убогой обстановке. Среди своих клановых он смотрелся гораздо органичнее, отличаясь лишь отсутствием источника: только по этой примете и узнал его среди братьев.

Вообще странно получается: пока он был страшилой и калекой — я относился к нему с симпатией, а как вылечил — на дух не переносу. Теперь, будь у меня возможность, с удовольствием допросил бы его по своей методике, но, увы, поезд ушел.

— Смотри-смотри! — хватает меня за руку Маша. — Смотри, как он его!

Несмотря на название соревнований, возможности спортсменов были сильно ограничены. Светлым разрешалось применять только водометы, а темным — лишь молнии. Огромные металлические дубины, которыми пользовались вдобавок к *силе* бойцы, дали ответ на давнюю загадку поединка с кусками рельсов в руках. Вот, оказывается, откуда идет традиция.

Ба-бам! Звон полученного удара неприятно отдается в голове. Это противник Орлова замешкался и пропустил плюху.

Ба-бам! Дезориентированный гвардеец падает на колени от второго, не менее смачного удара. Вряд ли его доспех теперь подлежит восстановлению.

Вжих! Мощная струя воды окончательно сбивает проигравшего на песок арены.

— Да!!! — ревет толпа. Победитель откидывает забрало, победно вздымает руки и проходит круг, красуясь перед трибунами. Женщины визжат, мужчины орут. Мы с Машкой, поддавшись всеобщей эйфории, тоже вскочили с мест и восторженно вопим, размахивая руками. Что ни говори, а парень крут и заслужил свой триумф.

Просмотрев до конца награждение, идем к букмекерам забирать выигрыш. Он невелик, потому что Осмолкин-Орлов изначально был фаворитом, но как малые дети радуемся полученным рублям.

Вечерний прохладный воздух приятно холодит разгоряченные головы, и мы с разрешения охраны отправляемся в особняк пешком. Идти недолго, и по освещенным улицам, так что происшествий не ожидается.

Накаркал.

Толпа фанатов, идущая с футбольного матча, отсекает нас от двойки охраны. Одни возбужденные люди встречаются с другими, не менее взбудораженными. Головы бы оторвать тому, кто придумал провести оба мероприятия в один день и поблизости! В единый миг пространство вокруг нас вспыхивает драками. Схватив Машку крепче, прорываюсь сквозь толпу, прикрывая девчонку от особо активных хулиганов.

Наперерез нам устремляется пятерка молодчиков с цепями в руках. Поняв, что прорваться нереально, останавливаюсь на минутку. Но тут девчонка обливает неосторожно приблизившегося к нам мужчину слабой водной струей. Большая, большая ошибка! В отличие от меня или Шамана, *вода* у нее не особо развита, плюс она напугана, так что вместо водомета получается пшик.

— Бей клановых! Вон они! — Мокрый мерзавец орет на всю улицу, перекрывая крики толпы.

— Давай! — подхватывают окружающие, сжимая кольцо вокруг нас.

А полиция, как всегда, опаздывает. Второй мир, а бардак тот же.

— Бей!

Как там: «Нет эмоций, есть только покой»?

Три вдоха-выдоха возвращают мне концентрацию.

— Бей!

Жаль, что нет доспеха, накопители бы не помешали.

Только что кричавшие люди оседают вниз, как сломанные куклы. Подхватываю на руки заснувшую княжну. Так и двигаюсь с ней на руках вперед, перешагивая через тела. Просвистевший рядом с головой бульжник заставляет поторопиться, но, слава богу, агрессивных фанатов было не так много, как казалось, а те, что не попали под технику, благоразумно смылись с моего пути: со стороны же не видно, что люди просто засыпают. Сзади слышатся нарастающие лязг и шум. Оглянувшись, вижу подразделение гвардии, гонящее водометами остатки толпы обратно в мою сторону. Увеличиваю выброс *силы*, надо продержаться еще чуть-чуть.

Как ни стараюсь, но первый гвардеец успевает вступить в сферу действия техники до того, как я ее убираю. По закону подлости это оказывается нынешний чемпион — Леня Осмолкин-Орлов. К моему счастью, грохнувшись, он тут же просыпается, так что со стороны кажется, что он просто споткнулся в поврежденном доспехе. Осторожно приблизившись, гвардейцы недоуменно оглядывают живописно разложенные тела. Отдельные уснувшие начинают шевелиться и поднимать головы, создавая впечатление начавшегося зомби-апокалипсиса.

— Они просто спят, сейчас начнут просыпаться! — пресекаю панику, признаки которой вижу у парочки вновь прибывших.

— Кто такой? Что за девушка?

— Егор Васин, дворянин. Княжна Задунайская — моя спутница.

— Оставайтесь на месте. Горин, поторопи полицию, пусть упаковывают всех здесь.

— Есть!

— Молчанов, следить за обстановкой!

— Есть!

Откуда-то из-за спин военных вывинчиваются охранники княжны. Оба сильно помятые, у одного разбита бровь и разорван рукав. Взяв на себя переговоры с гвардейцами, они освобождают меня от живой поклажи и необходимости отвечать на вопросы.

— Что с ней?

— Спит. Если не будить — проспит до утра.

— Почему, остальные ведь шевелятся уже?

— Вадим, не пугай теплое с мягким. Этих я на расстоянии прикладывал, а Марию Кирилловну на руках держал. Если надо — могу разбудить.

Оглядев руины, совсем недавно бывшие нарядной улицей, охранник качает головой:

— В особняке разбудим.

— Тебе видней.

Опять сижу напротив князя в его кабинете.

— Вам, Егор, следует присвоить звание Машиного ангела-хранителя. Второй раз спасаете мою дочь.

— Если б я хотя бы на секунду мог представить, чем обернется решение пойти на состязание, взял бы в оперу абонемент до конца жизни.

Машка уже давно носится по дому, рассказывая о наших приключениях. То, что она проспала самый драматичный момент, ничуть ей не мешает выдавать все более фантастические подробности моего противостояния с толпой.

— Бросьте, к обеду Маша дождала бы меня, и я отпустил бы ее на этот чертов финал всего лишь с гувернанткой. Так что спасибо.

— Я сделал то, что должен был.

— Страшно было? — внезапно интересуется хозяин.

— Да не особо. Сконцентрироваться было трудно, это да, а так...

— Я бы хотел, чтоб вы научили этой технике мою охрану; это возможно?

— Из меня плохой учитель, сам только осваиваю. Но любой целитель владеет этим приемом; может, вам лучше в медакадемии кого спросить? Это просто целительский сон, растянутый на площадь. Никакого секрета.

— Обычный целительский сон? Оригинальное вы нашли ему применение. Тогда действительно проще в академии договориться. И Егор, надеюсь, вернувшись в Петербург, вы станете частым гостем в нашем доме. Я умею ценить людей.

— Спасибо, Кирилл Александрович, это честь для меня.

Три последних дня проводим все так же насыщено. Детский праздник, на который сопровождаю Машу, проходит мирно и скучно. На улицах прибавилось полиции, а так ничто не говорит о вчерашнем происшествии. Потом большой прием у хозяев, обошедшийся без визитов монарших особ. Те же танцы, те же развлечения, что и на других балах; выделяться,

видимо, не принято. Я уже не новичок, поэтому уверенно лавирую между гостями, останавливаясь перекинуться парой слов с недавними знакомцами. Один банкир специально даже разыскал меня, чтоб предложить работу, пришлось мягко отказать, пообещав дать несколько консультаций частным образом. Вполне неплохой задел. Успел заключить несколько предварительных контрактов на работу «Кистеня» — как в Москве, так и в Питере. Еще и сам Задунайский пообещал порекомендовать мое агентство своим партнерам и подкидывать нам что-нибудь время от времени, так что внакладе точно не останусь.

Сопровождая Задунайских, еще несколько раз видел измененных животных. Дважды это были собаки и трижды — кошки. По непонятной причине эти твари, в отличие от обычных собратьев, сразу же проникались ко мне любовью и следовали буквально по пятам. Доходило до того, что приходилось возвращаться в особняк перед следующим визитом, чтоб сменить костюм: настолько угваздывался в шерсти. Про памятного Шера вообще молчу — этот, едва завидев меня, все так же рвался навстречу, из-за чего в конце концов был сослан во двор на привязь.

Но, боже мой, какое счастье было припереться в номер к Земеле, плюхнуться в кресло и закинуть ноги на стол, впервые за долгое время ни о чем не думая. Олег только сочувственно посмотрел, а у меня не было даже сил промычать что-то членораздельное. Если я так вымотался, то представляю, каково это выносить той же принцессе, чей досуг жестко регламентирован. И даже не хочу знать, как выносит это императорская чета, с утра до ночи мотающаяся по Питеру с одного мероприятия на другое.

— Есть будешь? Заказать в номер? — посчитав, что я достаточно отдохнул, спрашивает Олег.

— Угум. Попроще чего-нибудь только, чтоб с сотней вилок не возиться.

— Что, достало так?

— Ты даже не представляешь насколько. У меня этот «хруст французской булки» поперек горла стоит, — характерным жестом показываю, как именно.

— При чем тут булка? — не въезжает Земеля.

— А-а... Не бери в голову! Присказка для одного меня, — вовремя вспоминаю, что ни «Белый орел», ни их хит про упоительные вечера тут неизвестны.

Сделав заказ, Земеля садится обратно на диван и опять начинает меня разглядывать.

— Такое ощущение, что ты не с праздника, а с марш-броска вернулся, причем в полной выкладке и под блокираторами, — слегка недоумевая, озвучивает он свой вердикт.

— Хуже; под блокираторами вполне можно жить. С жизнью, по крайней мере. А тут... Зря вообще на это подписался.

— Мм? — Олег выразительно приподнимает бровь.

Пересилив себя, отрываю зад от кресла и принимаюсь переодеваться в привычный простой костюм, хранившийся до этого у Земели. Будь я в Москве — вообще бы в любимую джинсу влез, но штаны и рубашки из грубой хэбэ еще не стали универсальной одеждой всех слоев населения, так что подходили только для домашней носки. А я еще не настолько осмелел, чтобы ломать вековые устои, расхаживая по столице в бедняцком прикиде.

— Не мой уровень изначально, — немного поясняя мысль.

— Ты ж из их братии, у тебя это все в крови должно быть?

— Олег, вот ты вроде взрослый человек, а иной раз такое ляпнешь! Какое «в крови»? Чтоб там своим быть, надо и воспитание соответствующее, и крутиться в этом с детства. Хорошо бы еще представлять из себя хоть что-то или хотя бы поддержкой клана

пользоваться. А у меня из всего перечисленного только семья Яминых-Задунайских за спиной была.

— Подожди, ты ж внук Васильева-Морозова, а он вроде как графом был? И всю жизнь при дворе?

— Он граф, а я графин! — резко отвечаю на дурацкий вопрос. — Графский титул Митьке перейдет при совершеннолетию. А богатств особых у Елизара Андреевича не было, вопреки всеобщему мнению. Плюс не забывай — я родился, когда он уже в ссылке был, да и с родством нашим не все там гладко.

— Это как?

— Тебе какую версию: общеизвестную, официальную или мою?

— А их даже несколько? Любопытно все послушать.

— Имеющий уши да услышит. Итак, общеизвестная. Кто такой и чем знаменит Елизар Андреевич, рассказывать надо?

Земеля отрицательно мотает головой.

— Женился Елизар Андреевич поздно, когда ему уже пятый десяток шел, и то под давлением родни и императора. Семью ему при его работе заводить было некогда, а может, и сам не хотел, при его-то количестве врагов. Женился на клановой, которую ему подобрали; любовью, понятно, там никакой не пахло. Через положенное время родился сын Николай. Жена через год отравилась до смерти и, что характерно, грибами, которые отродясь не ела. Но это так, к слову.

Мимикой Олег демонстрирует неподдельный интерес к рассказу. Такие подробности личной жизни знаменитого царедворца вряд ли были доступны широкой общественности.

— Николай рос при мамках-няньках, видя отца только изредка, зато пользуясь всеми привилегиями своего положения. Не забываем, он еще и клановым был, так что мальчик — дважды золотой. Особых талантов не проявил, но в гвардейские части попал. Так бы и служил он ни шатко ни валко, но грянул теракт, и Елизар Андреевич со всех постов слетел. И внезапно стало некому продвигать карьеру его сыночка, а многие еще и отыграться на Николае захотели. Тут даже Морозовы особой защиты дать не могли. Так что когда началась очередная заварушка на Кавказе, напросился туда оказывать, так сказать, интернациональную помощь братским народам. — Земеля уже привык к моим оборотам, так что не переспрашивает, а я продолжаю: — Оттуда привез себе жену — прекрасную Диндилю, что очень не понравилось Морозовым, так как его тут уже давно ждала невеста. Все еще интересно?

— А как же! Прямо как в детстве сказку слушаю.

— Дальше сказка получилась не очень. Данила Морозов, чью дочку прокатали, сильно осерчал, на кого надо надавил, и Николая из клана исключили. Из армии он еще раньше уволился. И внезапно никому оказался не нужен. Промотав остатки приданого матери, Николай практически на последние деньги отправился в имение к отцу. Может, ждал, что тот как-то поможет, может, просто в тишине пожить хотел — сейчас уже не узнать. Митьке в тот момент два месяца было. Но рейсовый автобус, который вез молодую семью, попал в аварию. Николай погиб, выжили мать и Митька. А я родился восемь с половиной месяцев спустя. Как мы росли и учились — неинтересно, опустим. Учителя у нас были обычные, из Рязани. Разве что в отличие от детства Николая времени у Елизара Андреевича было навалом, поэтому воспитывал он нас сам.

— А почему ты отца все время по имени зовешь? — прицепился к словам Олег.

— До этого еще доберемся. Когда мне было почти одиннадцать лет, дед умер. Ему к тому времени хорошо за девяносто было, так что умер просто в постели после болезни. И так мать ему почти три года жизни подарила, больше не смогла — сердце сильно изнашивалось. А дальше начался цирк. Усадьба наша стояла на клановой земле и принадлежала не лично деду, а клану. Остальное имущество наше вдруг тоже клановым оказалось. Еще и со счетами какие-то заморочки стряслись, мол, деньги снять только наследник сможет, когда в полные лета войдет.

— Морозовы?

— Они, но не совсем. Бывшая невеста Николая постаралась. Это я потом уже узнал окольными путями, когда попытался в этой истории разобраться. Бросься мать в ноги к главе клана, тот бы, может, и помог, хотя бы в память о деде, но она не стала. На это, видимо, расчет и был. Так и оказались мы с братом в училище, а потом наши пути разошлись. Дальше ты примерно знаешь. Как тебе сглаженная версия?

— То есть ты что-то недоговариваешь?

— В рамках общеизвестного варианта — не очень. Но есть некоторые подробности, которые я опустил. Например, что Николай — тот еще негодяй был. И только папина тень его и прикрывала, пока он свои художества выделывал, слишком многим по любимым мозолям потоптался. И если б не смылся на Кавказ — жить бы ему считанные дни оставалось; удивительно, что там не достали. И из армии он не сам ушел, а чуть ли не с позором выгнали. А еще, что к деду он ехал, вполне вероятно, разводиться, если не похуже. И невесту свою бывшую морозовскую он еще до Кавказа оскорбить успел, так что разрыв помолвки был только формальным поводом для изгнания из клана. Вот и прикинь, стоит ли такое родство афишировать, если его выходки до сих пор многие помнят.

— Сглаженная версия мне нравилась больше, — комментирует мои откровения Олег.

— Мне тоже.

Заказанный ужин подоспел как раз к окончанию рассказа, так что перерыв весьма кстати. На сытый желудок историю продолжать не хочется, но Земеля требует:

— Ты сказал, есть еще версии.

— Есть еще официальная. Кстати, первая — тоже вполне официальная: если надо, я ее всеми бумагами подтвердить могу.

— И в чем подвох?

— В том, что бьют не по паспорту, а по морде.

Пилоты уже как-то слышали от меня этот бородатый в прежнем мире анекдот, так что объяснять не требуется.

— И что не так с твоей мордой? Лицом то есть?

— Посмотри сам. — Из папки с документами, хранившимися во избежание ненужного любопытства Задунайских в Олеговых вещах, извлекаю две фотографии. На одной — Николай Васильев, на другой — Павел Потемкин.

— Это твой отец, тут и гадать нечего, а это кто? — вертит в руках Земеля снимок Николая.

— А это Николай Васильев. — Полюбовавшись на недоуменное выражение лица Земели, подтверждаю: — Да-да, тот самый, сын Елизара Андреевича.

— Не понял... а это тогда?.. — кивок на фото моей взрослой копии.

— Как ты сам сказал — мой отец.

— ?..

— В автобусе, который ехал в Рязань, было две Дарьи: одна — бывшая Диндия, которую при крещении так называли, другая — моя мать. Может, и еще были, имя-то распространенное, но нам они неинтересны. И так случилось, что в момент аварии Митька оказался на руках у абсолютно посторонней девушки, и у нее же — сумочка с документами. Никакой мистики — просто помогала перепеленать, вот и вызвалась подержать. Так и вылетела в окно с чужим ребенком и бумагами, а Николай и Диндия погибли.

— И ты хочешь сказать, что женщин перепутали? Ерунда какая-то...

— Автобус загорелся, осень сухая была — лес вокруг тоже вспыхнул. Так что многие тела сильно обезображены были, в закрытых гробах потом хоронили. Диндию дед до этого в глаза не видел, волосы у матери подгорели, сама она чумазая, босая. Зато в Митьку от шока сцепилась и на Дарью отзывалась. Еще и документы все целы, хоть и помяты сильно. Так что когда Елизара Андреевича вызвали, все уверены были, что это его невестка.

— И бывший глава Тайной канцелярии ни о чем не догадался?.. — с заметным сарказмом интересуется Земеля.

— Эй-эй, полегче! Догадался, конечно; это в больнице, куда пострадавшие попали, разбираться не стали. Если б не гибель сына, он бы наверняка сразу же понял, а так только после похорон неправильность уловил. Это мне мать так рассказала, сама она вообще от шока три дня молчала, не в себе была. Женщин в доме не было, всего трое слуг из ветеранов его обслуживали, так что осталась мать при Митьке нянькой. Дальше все как в старой истории, за исключением того, что мать он удочерил, когда мне лет шесть было, а меня ввел в род по всем правилам.

— То есть мать твоя не невестка ему, а приемная дочь, получается? Погоди, в бумагах было написано, что она Дарья Дамировна, а ведь тогда она Дарья Елизаровна должна быть?

— Глазастый! При удочерении в таком возрасте отчество не обязательно менять. Хотя она вообще не Дамировна, а Ивановна — чистокровная русская. Зачем это деду надо было — не спрашивай, я до сих пор не во всем разобрался.

— А кто твой отец?

— Нет у меня отца. До недавнего времени Николая Васильева отцом считал, а Митьку — родным братом.

— А это? — жест в сторону снимка.

— А это — отдельная песня... Вполне возможно, именно из-за него меня Задунайский и пригласил.

— Что, известная личность?

— Павел Александрович Потемкин собственной персоной.

Олег изумленно присвистывает, потом берет в руки снимок и сравнивает с моей физиономией.

— Надо же, одно лицо. Действительно, с таким родственником выдавать себя за внука Васильева-Морозова как-то...

— Нормально. Причем, заметь, я себя не *выдаю*, а *являюсь* им по факту. Документы об удочерении у матери имеются, есть записи в гражданских и церковных книгах, есть свидетели. — Не уверен, что Гришка подтвердит, если что, факт удочерения, но в том, что он знал, почти не сомневаюсь. Раз мать видела его у деда, когда училась, значит, еще тогда эта история завязалась.

— А третья версия?

— А третья версия — это копия второй, но с дополнениями, похожими на правду.

Причем все дополнения — это исключительно мои домыслы, особых фактов у меня нет.

— Озвучишь, раз начал?

— Озвучу, куда денусь. Только сказочка еще загадочнее, чем предыдущие, получится, — вздыхаю, делая паузу перед последним, самым неприятным рассказом.

— Начну издалека. Есть такой городок, Коломна, аккурат между Москвой и Рязанью расположен. И вот туда-то и прибыл семнадцать лет назад молодой князь Потемкин знакомиться с будущей женой. А совсем юной девушке Даше страшно любопытно было посмотреть на наследника клана. Посмотрела. Результат сидит перед тобой. Если учитывать, что Павлу в тот момент двадцать шесть было, а Даше — семнадцать, то, как все происходило, надеюсь, объяснять не надо? — Земеля молча мотает головой. — Родители девушки сделать ничего обидчику не могли, а позора не хотели, поэтому отсекали дочь от рода и отправили подальше, в Рязань, к родственникам. Какими соображениями они руководствовались — сказать не могу, меня, как понимаешь, еще на свете не было. Мне и это-то нанятые люди раскопали с трудом, мать всего раз про Коломну обмолвилась, когда я маленьким был. Автобус, как я уже рассказывал, попал в аварию и сторел, а неопознанный женский труп передали родителям, те похоронили и забыли. — На этом месте делаю перерыв, давая собеседнику переварить предысторию.

— Дальше все без изменений: мать — в няньках у Дмитрия, я — на подходе. Примерно в три-четыре года у меня начались выбросы *силы*. Вот тут-то дедуля и заинтересовался, кто мой отец. Про то, что у матери источник нестандартный, он и раньше знал, ей вдобавок к обычному светлому треугольнику *огонь* достался и *молния* капелюшку. — Олег удивленно вскидывается. Про то, что моя мать — лекарь от бога, уши я прожужжать всем успел, а вот про темную часть источника не упоминал ни разу. — У меня, ты видел, есть полный набор, просто светлый дар гораздо мощнее. Глава Тайной канцелярии, хоть и бывший, — это не я, ему мать раскололась быстро. Это мне пришлось угадывать папашку, благо добрые люди помогли. — Мой черед кивать на снимок. — Дальше ты знаешь: мать удочерили, а я стал Васильевым.

— Подробности, конечно, неприятные, но ничего особо страшного для тебя не вижу... Подожди, дай договорить! — просит Земеля, видя мои опасно сузившиеся глаза. — Как там сложилось у твоих родителей, точно ты не знаешь, может, это она его соблазнила? Могло же такое быть?

«Со своей колокольни» он прав — не знаю. Но несколько раз видел, как она от мужиков шарахается. Одному Шаврину удалось к ней как-то ключик подобрать, потому и терплю, хоть и не в восторге от него.

— Но, допустим, ты прав. Тебе я верю больше, так что примем это как данность. Но ты-то есть! Умный, одаренный, пробивной. Везучий, наконец! Такому не зазорно помочь, даже если не все гладко вначале случилось. В чем проблема?

— Про то, что случается с незаконнорожденными детьми Потемкиных, мы поговорим как-нибудь отдельно, — не к месту вспомнились мне некоторые подробности из документов, собранных Арешинной, — проблема в том, что дед ненавидел Потемкиных. Люто, до дрожи! Ты его не знал, поэтому бесполезно тебе это рассказывать, просто поверь на слово. А тут вдруг их ублюдка, давай называть вещи своими именами, не просто вырастил, а в род принял. И воспитывал наравне со своим внуком так, что я про него только хорошее вспомнить могу. Как тебе такое?

— Может, смягчился к старости? — Олег немного растерян. Даже у него слова

«смягчился» и «глава Тайной канцелярии» с трудом укладываются в одном предложении, а что уж говорить обо мне, знавшем деда лично?

— Ну-ну! Мы точно об одном и том же человеке говорим?

— Какая разница, что ему в голову взбрело на старости лет! Он уже умер! Или ты в этом не уверен? — горячится друг.

— Умер, я сам на гроб землю кидал, тут без вариантов. А вот единомышленники его живы и здоровы. Гришка Осмолкин — из их числа; возможно, есть и другие где-то вокруг меня.

— А паранойи у тебя, часом, нет?

— Даже если у вас есть паранойя, это не значит, что за вами не следят, — назидательно цитирую старую шутку. — Я ему был нужен, чтоб свалить Потемкиных, — продолжаю уже серьезно. — Как — не знаю. И даже не уверен, что это лично его идея, не один же он планировал эту месть.

— И кто, по-твоему, мог указывать бывшему главе Тайной канцелярии?

— Есть варианты... — уклоняюсь от ответа. Ведь Земеля и сам знает ответ, но не принимает его — слишком уж тот фантастичен: только один человек мог потребовать от Васильева-Морозова что-то. Какое-то время Олег ждет продолжения, но все, что хотел, я уже рассказал. После нескольких минут тишины возвращаюсь к началу разговора:

— Собственно, история моя сейчас роли никакой не играет, просто сходство с Потемкиными в дальнейшем может боком выйти. А что касается всех этих торжеств и балов... Ну посмотрел я, как высшее общество поживает; впечатлился. Мне до такого — как пешком до Китая. Только, сам понимаешь, я им исключительно как игрушка Задунайских интересен был. Может, через несколько лет и сам по себе смогу, а пока... — не закончив фразу, машу рукой.

— Ладно, понял. — Не знаю, что он там понял, но тему закрываем. — Кстати, о Китае, точнее — китайцах. Я тут нашим звонил, так вот: У и Чжоу пропали.

— Как «пропали»? — не на шутку переполошился я.

— Просто одним утром ушли и не вернулись.

— Так, и что?

— Борька у Ли спросил, тот ответил, что волноваться не надо, уехали по делам.

От сердца немного отлегло, непонятки продолжают, но, похоже, это никак не связано с моими перипетиями. По крайней мере, их не похитили, не убили, а ушли они добровольно. Обидно, конечно, но переживу это.

— Уехали — значит, уехали, — устало откликаюсь, — вольную им подписал, так что свободные люди, имеют право. Все равно отсюда ничего не сможем сделать. Еще что наши говорят?

— Ждут нас: они, похоже, след похитителей фур взяли. Я не все понял, Костин шифровался по телефону, но вроде как есть кого расспросить, дело за твоими талантами.

— Хорошая новость. Еще что?

— У них больше ничего. Я пару вариантов для нас присмотрел, но решение за тобой. Ваньку проведаль — поселился в общежитии, но хочет потом квартиру снимать. Тебе привет передает, ждет в гости. Предлагаю завтра утром склады посмотреть, Метлу навестить — и в Москву, если дел больше нет.

— Есть у меня одно дело. Так что ты — в Москву, а мне задержаться придется еще на день-два.

— Фуры могут уйти, — предупреждает Олег.

— Плевать, мое дело важнее.

Земля внимательно смотрит на меня и веско произносит:

— Я с тобой тогда.

— Вряд ли тебя туда пустят, но если останешься, буду благодарен. Мне спокойнее будет.

— Плохие предчувствия? — всерьез интересуется пилот.

— Нет, ничего такого. Хочу просто поговорить кое с кем.

Мне уже надоело, что многие вокруг знают обо мне больше, чем я сам.

Не пора ли узнать причину?

Интерлюдия третья

Жарко. Стены монастыря давали прохладу, но при любом выходе наружу ряса липла и пугалась в ногах, напоминая о принятом сане. Нет, старик не тяготился своим монашеством. Лет ему было немало, жена давно скончалась, упокой Господь ее душу. Да и молодым стоило дать дорогу...

— Господин... к вам посетитель. — Постучавшийся послушник доложил как-то неуверенно, что сразу привлекло внимание.

— Ко мне? — Мало ли кто мог приехать, но именно сегодня никаких визитеров не ожидалось.

— Он сказал — к монаху лет семидесяти восьми, принявшему сан в июле тысяча девятьсот девяносто шестого года и обладающему влиянием.

— Любопытно...

— Из всей братии только вы подходите под определение. И еще он передал это, — послушник развернул грубоватую ткань, являя на свет старинную золотую чашу с вложенным документом, — мы все проверили: чаша чиста, бумага тоже.

Лист бумаги гласил, что чаша датируется концом шестнадцатого века и с большой долей вероятности принадлежала первому в династии Романовых — Михаилу Федоровичу. Экспертное заключение было подписано директором Петербургского Государственного музея и имело все необходимые печати и отметки об экспертизах. Приложенная к официальной бумаге записка гласила: «Я подумал, вам будет приятно вернуть имущество вашего предка. С всемерным уважением, Егор Васин (бывш. Васильев)».

— Наш пострел везде поспел... — скрипуче пробормотал себе под нос монах. — Еще что-нибудь было?

— Нет, господин, только это.

— Ну что ж, уважим дарителя. Он еще здесь?

— Да, господин. Прикажете просить?

— Проси. Но не сразу. Пусть ко мне сначала Урский подойдет.

До сих пор не знаю: совершаю я ошибку или нет?

Вручив после долгих препирательств заготовленную посылку привратнику, удостоился короткой реплики:

— Ждите.

Ждал. Три часа на самом солнцепеке перед воротами не прибавили мне кротости и смирения, но деваться было некуда. Если визит к Задунайским превышал мой уровень на голову, то здесь я вообще был букашкой под микроскопом. Единственное, из-за чего сунулся сюда, — страстное желание хоть как-то определиться с дальнейшими планами на будущее. Раз вселенная подкинула мне такой жирный бонус в виде второй жизни, да еще в не самых худших стартовых условиях, то глупо было бы не реализовать все давно похороненные в прошлом мире мечты и амбиции. Там мне во многом помешало ранение, слишком сложно привыкал к отсутствию ведущей руки, потом еще долго не мог адаптироваться к внезапно грянувшему капитализму и рыночным отношениям, а дальше — просто плыл по течению, решив, что мое время уже ушло. Так себе оправдания, если быть честным хотя бы с самим собой, но других нет.

— Надеюсь, ты не в монахи постригаться собрался? — Надо отдать ему должное, Земеля молчал долго: и пока мы добирались сюда на электричке вместе с толпами вырвавшихся из плена душного города на природу отдыхающих, и пока мы шли по единственной дороге к монастырю, и во время моего разговора на повышенных тонах у ворот, но теперь даже его хваленое самообладание дало трещину под напором любопытства.

— Не дождетесь! Вы, значит, с Лехой гаремами меряться будете, а мне целибат блюсти? Не-э-эт, я еще посоревнуюсь с вами в этом деле...

Небывалая для этих мест жара не располагала к дальнейшему диалогу, так что ленивый переброс фривольными шуточками увял сам собой на некоторое время.

— А если не пригласят тебя? — еще раз попытался реанимировать серьезный разговор Земеля.

— Значит, я — действительно параноик и навывдумывал всякой ерунды на ровном месте. Пошли в тенечек хоть отойдем, — машу рукой в сторону трех тоненьких березок неподалеку от ворот, дающих подобие тени в этом пекле.

Расслабив узел шейного платка, какие здесь до сих пор носят вместо галстуков, расстилаю на траве купленную в электричке газету — пятна от травы на костюме не входили в мой список необходимых вещей — и устраиваюсь поудобнее. Земеля, не заморачиваясь, плюхается рядом.

— Думаешь, удастся что-то узнать?

— Не знаю. Надеюсь, конечно, но вряд ли... Разве что подсказку дадут. — Откровений не ожидаю, но хоть что-то же мне скажут!

На жаре нас разморило. Не знаю, был ли расчет на это по другую сторону монастырских стен, но, поняв, что еще чуть-чуть — и моя голова превратится в печеную тыкву, начал принимать меры. Вода, получаемая от использования дара, всегда была одного и того же состава и температуры: чистейшая, как из высокогорного родника, и холодная до ломоты зубов. Наполнив ближайшую яму, попытался настроить ветерок в нашу сторону. Ничего не вышло, но возясь у прохладной лужи, потихоньку пришел в себя. А развлекаясь магией,

никак не мог отделаться от мысли, что куда-то не туда моя жизнь повернула.

Мне бы сейчас учиться, развивать и изучать свой дар, доставшийся по воле случая, а я вместо этого лезу в змеиное гнездо, ни хрена не разбираясь в раскладах. Жаль только, что если не полезу сам — меня туда притащат, и явно не на моих условиях. Точнее, ставить условия мне и так никто не даст, но хоть что-то выторговать за добровольное сотрудничество хотелось бы. Ну и быть хоть немного в курсе, на что подписываюсь.

Невеселые раздумья прерывает совсем молоденький монашек, вышедший из калитки и направившийся к нам:

— Пройдемте, вас примут.

Киваю Олегу — порядок его действий уже обговорен, привожу себя в порядок и следую внутрь обители.

И все-таки я — гений!

Склоняясь в глубоком поклоне перед старым одноруким монахом, я ликовал, что хоть тут догадался правильно. Возраст, залеченные раны, пластическая хирургия, а самое главное — потеря источника, конечно, сделали свое дело, но этот тяжелый властный взгляд я не перепутал бы ни с каким другим. Именно так он всегда смотрел на нас с Митькой со своего ростового портрета в дедовом кабинете, недаром художник, написавший картину, считался гением современности. Правда, встала дилемма — как обращаться к хозяину комнат? Ваше бывшее императорское величество? По-моему, оскорбительно получится. Государь? Так он уже давно не правит. И по имени-отчеству — не вариант. Как к монаху? Тоже лажа, из него монах, как из меня балерина, тем более что правильного обращения и не знаю. Остановился на нейтральном «господин».

— Позвольте представиться, господин: Егор Николаевич Васин, к вашим услугам.

Почти физически ощущаемый холодный взгляд проходится по мне, просвечивая как рентгеном. Стоять со склоненной головой неудобно — не видно лица собеседника, но и мое таким образом не разглядеть.

— Чего ты хотел добиться таким подношением? — спустя очень долгую паузу спрашивает старик.

Замеченный за ширмой работающий источник намекает, что врать ни в коем случае нельзя. Если я умею отделять правду от лжи, то не стоит считать других дурнее.

— Добиться личной встречи. Заинтересовать. Понять, — отвечаю короткими фразами, даже не пытаюсь лукавить.

— Откуда узнал про это место?

— Выследил Григория Осмолкина. — Правда, одна только правда.

— Сколько человек сейчас в комнате?

Гадство, вот что сейчас сказать? Придется как есть:

— Четыре: вы, я, человек за ширмой и еще один вон за той панелью, — аккуратно, без резких движений, указываю на фальшивую стенную панель позади хозяина кабинета, сквозь которую слабо просвечивает еще один источник.

— Значит, прав был Елизар... — почти выдыхает себе под нос монах. Лишь усовершенствованный на время встречи слух позволяет разобрать бормотание старика; жаль только, есть обратная сторона — любой резкий громкий звук доставит нехилый дискомфорт.

— Считай, что заинтересовал. — Бывший император жестко усмехается. Куда там Гришке с его уродствами: у этого лицо чистое, без шрамов, зато искусственный левый глаз и

общая неестественность мимики из-за восстановленных мышц создают гораздо более жуткое впечатление.

— Как догадался? — Жест в сторону чаши или скорее в сторону экспертного заключения.

— С трудом, господин...

— Обращайся ко мне «отец Никандр», — перебивает монах.

— Слушаюсь, отец Никандр, — и продолжаю отвечать на вопрос: — Какие-то намеки получил от Елизара Андреевича, пока он жив был. Тогда по малолетству не понимал, но в память запало. А совсем недавно узнал про удочерение матери...

— И?

— Елизар Андреевич, вопреки всеобщему мнению, был нормальным человеком, младенцев на завтрак не ел, — рискую слегка пошутить, слабая усмешка собеседника говорит о том, что некоторые вольности в рассказе допустимы. — Он вполне мог пожалеть девушку в трудных обстоятельствах. Мог помочь, предоставить кров, дать денег на обучение. Мог принять в род, чтоб окончательно привязать перспективную одаренную. Но вот удочерить — с его старомодными понятиями о семье, роде и его чести — не мог никак.

— Но ведь удочерил? Или ты недоволен этим фактом?

— Ни в коем случае, отец Никандр.

— И как же ты связал это со мной?

Тщательно подбирая слова, пытаюсь объяснить свои выводы:

— Только две страсти были у Елизара Андреевича: империя и император. С чувствами и желаниями других людей, и даже собственными, если они шли вразрез с интересами двух означенных его кумиров, он не считался. Только Ваша воля могла заставить его породниться с безродной девицей и ее ребенком, — голосом выделяю с большой буквы слово «Ваша».

Монах какое-то время обдумывает мой ответ.

— Забавно... Редко кто мог дать такую точную характеристику этому человеку. Сколько слышал рассуждений о нем... А тут какой-то юнец смог в нескольких словах выразить его сущность, да еще целиком совпадающе с моим мнением. — Уцелевший глаз пристально изучает меня.

— Ничего удивительного. Вы были его первым воспитанником, а я и Дмитрий — последними.

— Да ты никак имеешь наглость сравнивать меня с собой? — Вроде бы сказано с насмешкой, но есть какая-то тень угрозы, поэтому спешу сгладить допущенную грубость:

— Ни в коем случае, отец Никандр. Просто мне одному из немногих довелось узнать его как человека, а не как должностное лицо, — на всякий случай еще раз склоняюсь в поклоне.

Монах опять долго молчит, заставляя меня нервничать. Как ни готовился я к этому разговору, но действительность оказалась гораздо сложнее. Тяжелая давящая атмосфера в помещении, созданная этим искалеченным мужчиной, буквально вжимает голову в плечи. Каждое мое слово — как шаг по минному полю; еще и врать нельзя.

— Насколько было бы проще, если б ты, вслед за Дмитрием, пошел в безопасность... Почему, кстати, отказался? Все задатки для этой службы у тебя есть.

— Не мое. Я уважаю людей, служащих там, но не готов посвятить свою жизнь этому делу.

— И с каких это пор служение Отечеству стало противно дворянину?

— С вашего позволения — служить Отечеству можно разными способами. Я не бегаяю

от службы, но именно в этом ведомстве служить не хочу, — твердо отстаиваю свою позицию, благо опыт отбиваться уже есть.

— Свободу любишь?

— И это тоже, отец Никандр.

— Что ж, иногда воля Господа проявляется странным образом, недоступным нам, смертным. Готов ли ты, дворянин Васин Егор Николаевич, послужить своему Отечеству?

Угу, сама постановка вопроса уже мне нравится: как будто есть возможность отказаться...

— Всегда готов! — Неуместный смешок от использования девиза пионерской организации в такой обстановке гащу в зародыше. И, отвлекшись, пропускаю удар по мозгам.

Дальше пошла такая пафосная муть, словно дедок выступал на митинге перед дворянским собранием. И «родина в опасности», и «кругом враги», и «все в едином порыве»... Я, конечно, иронизирую и перевираю, но если вся судьба государства зависит от действий шестнадцатилетнего парня — что-то тут не так. Хотя и так в речь почти не вслушивался, целиком и полностью сосредоточившись на защите, потому что «дядел» за ширмой с дикой скоростью молотил ментальными воздействиями, забыв или не поняв, что все его манипуляции для меня как на ладони. Сеанс накачки шел минут десять — пятнадцать, пока старик не выдохся и не начал повторяться. Очень удачно, что начало монолога застало меня со склоненной головой, а до сих пор несостриженные волосы рассыпались по плечам, почти закрывая лицо, иначе бы чем-то да выдал свое отношение к происходящему.

— Суть твоей службы тебе объяснит Григорий Осмолкин, — заканчивает монах, — слушай его, как меня, — еще один ментальный удар из-за ширмы, — больше сюда не приходи никогда, — и окончательный, добивающий.

Краем глаза отмечаю, что источник неизвестного мага потускнел до неприличия, явно исчерпав себя. Это очень хорошая новость, потому что моя защита с непривычки уже на пределе. Этот гад силен и, похоже, очень опытен; мое счастье, что разделяющее нас расстояние заставило его тратить силы нерационально.

Если б не озаботился перед визитом сюда навестить маму, мог бы словить все эти закладки, хотя и узнал об их наличии: одно дело *видеть*, а совсем другое — противодействовать. Как оказалось, на редкость вовремя поинтересовался механизмом блокировки также и других подобных техник, а главное — защитой от них.

Всю свою ненависть вкладываю в одно-единственное действие.

Зря ты, дяденька, выбрал четки из заряженных *жизнью* бусин: были бы обычные, деревянные, пришлось бы мне искать другой путь.

— Благословите на службу, отец Никандр! — опускаюсь на колени перед монахом, одновременно сокращая расстояние между нами — ошибку неизвестного повторять не собираюсь.

— Благословляю, дитя. Ступай.

Навстречу крестящей руке с зажатыми бусинами летит тончайший жгут моей *силы*. Хрена с два кто повторит: для этого надо быть именно *видящим*.

На негнущихся ногах проделываю весь обратный путь в сопровождении молодого молчаливого монаха, приведшего меня сюда. И держу — на зубах и «морально-волевых» — держу канал подпитки между своим источником и проклятыми теперь четками, накачивая их *не-жизнью*. Где-то на середине пути нить между нами обрывается, и так выдержав на

десяток метров больше, чем я ожидал. Раскочегаренный до предела дар тормозит не сразу, продолжая вырабатывать энергию.

И только выйдя за стены, позволяю себе чуть-чуть расслабиться и отпустить то немислимое напряжение, что выдерживал все эти минуты.

Не пережить тебе этой зимы, старик.

Сила сходит с ума, запертая в теле, но возможности дать ей выход пока нет. Не то чтобы боюсь продемонстрировать выброс, но лучше подальше отсюда. Так и иду до станции в сопровождении дождавшегося Земели, опасаясь расплескать клокочущую энергию, напоминая самому себе мужика из анекдота, не рискующего кашлянуть после ударной дозы пургена.

— Год, надо продержаться год, — говорю скорее для себя, чем для пилота.

На станции в вагон сели только мы с ним, так что наблюдателей нет. Да и зачем они, если по задумке хозяина я теперь оболваненная марионетка? Нашим попутчикам сегодня повезло: бурлящую во мне *силу* я в итоге все-таки смог оформить в стандартное общеукрепляющее воздействие и сбросил в пространство. Больше всего досталось Олегу, который находился рядом, но этот лось и так здоров, так что особого эффекта не почувствует. А вот бабке на соседней скамейке должно резко похорошеть: если ее дети-внуки рассчитывали на наследство, то сочувствую их «горю» — еще пару лет старушка точно проскрипит. Видимо, все в жизни уравновешено: одному старику смерть приблизил, другому — отдалил.

— Узнал, что хотел? — аккуратно спрашивает Земеля, каким-то шестым чувством поняв, что я уже способен общаться.

— О, даже больше, гораздо больше...

Под стук колес обычно хорошо думается. Очередной поезд Петербург — Москва принял нас в свое чрево и мчал в первопрестольную. Видя мою отрешенность, Олег не лез с расспросами, за что я, как обычно, был ему благодарен. Шаман на его месте попытался бы вытащить из меня подробности, Метла — развлечь разговорами, о других из своей команды сказать сложнее — не так хорошо узнал. Но с большой долей вероятности могу предположить, что так же деликатно повел бы себя профессор, китайцы попытались бы накормить (по их мнению, все проблемы — от недоедания), а Борю, скорее всего, пришлось бы развлекать мне самому.

О совершенном поступке не жалел: мог бы... точнее, мог бы безнаказанно — убил бы сразу, как началась обработка, в идеале — и самогó бывшего императора, и свидетелей. С особенным удовольствием прикончил бы «дятла»-менталиста, так старавшегося задолбать мои мозги. Но тут вообще надо радоваться тому, что есть: не попадись на глаза лечебный артефакт, оформленный под четки — пришлось бы разрабатывать целую операцию с тайным проникновением и подделкой алиби, а так все вышло само собой. И теперь, чем больше старик будет щелкать заряженными бусинами, тем хуже ему будет становиться. Погибшие в моих опытах крысы — свидетели.

Идея лежала на поверхности: подумав о Круцио, сразу же вспомнил остальные *непростительные* заклинания: Империи и Авада. Подобием Империи может считаться техника допроса в трансе, хотя над расширением возможностей потребуется еще поработать (мастер-класс мне сегодня показали). А вот с Авадой — лучше бы без рискованных опытов на себе. Добиться остановки сердца через прикосновение было самым легким, проверено на

бандитах-инкассаторах, но вот получить эффект, обратный целебному, — о! тут пришлось поизвращаться.

За стариком наверняка одаренные закреплены, но в том-то и фокус, что *не-жизнь*, как я ее обозвал, — это очередная форма воздействия *силой жизни*, просто как бы в противофазе к организму. И отличить заряженную таким образом бусину от обычной «лечилки» — не изобрели пока таких приборов. Бушарин в своей лаборатории, по крайней мере, точно не засек разницу между «лечилкой» и «убивалкой». Хорошо еще я тогда догадался пометить экспериментальную батарейку, иначе бы ушла на продажу кому-нибудь из костинских бойцов с общей массой. Даже на мой взгляд она выглядела практически одинаково с обычными. Результаты изысканий напугали меня самого: техника-проклятие вышло неснимаемым, то есть никакие последующие целебные воздействия не помогали. А за такие знания тоже могут прикопать. Поэтому решил пользоваться только в крайнем случае, который представился неожиданно быстро.

В моем представлении итоги встречи могли варьироваться от: «Пошел на фиг, с Новым годом», — до нормального продуктивного разговора с обрисовкой будущего задания и вознаграждения. И я искренне считал, что трезво смотрю на вещи. Но случившееся...

На вероятность такого развития событий я отводил меньше одного процента: все-таки считал, что игра будет гораздо тоньше, и соответственно почти не делал заготовок. Менталист вообще оказался поганым сюрпризом. С ужасом представил себе, что мог бы поехать на встречу, абсолютно не зная, как работают эти техники. А теперь, как говорил Джон Рэмбо, не я первый это начал.

Вполне возможно, я так никогда и не узнаю, что задумала эта шайка старперов, но уж как-нибудь обойдусь без этой информации. Для меня там явно нет ничего хорошего.

Гораздо больше нервировали ментальные закладки, особенно первая, пропущенная. И вроде бы ничего особенного — служить Отечеству я и так был готов, но не получится ли, что под этим лозунгом можно будет заставить меня в будущем сделать что-то против своей воли? Остальные беспокоили меньше, хоть и не факт, что правильно отвел, ведь до этого всего несколько раз под маминым руководством этот трюк проделал, а мать мне ничего плохого по определению не желала. Но тут успокаивало, что порыва бежать и исполнять приказы Гришки не возникло. Более того, от одной мысли о том, что, пока старикан коптит небо, придется изображать послушного болванчика, приходил в дикое бешенство. Надоело жить как колобку, уматывая то от одного, то от другого желающего схарчить маленького бедного меня.

Усталость от пережитого в конце концов взяла верх, но уже на самой грани сна и яви пришла идиотская мысль — пора мне брать прозвище Черный Доктор или нет? С момента попадания я вылечил по большому счету всего троих: Шамана, маму и Гришку. Последний, правда, шефа вряд ли переживет: придется об этом позаботиться. Остальное лечение — мелочовка, не требовавшая большого ума и усилий. И убил лично, извращенными целительскими техниками, тоже троих.

Не, рано: на Черного Доктора не тяну — так, серый санитариска.

На этой оптимистической ноте окончательно провалился в сон.

Костин примчался к нам прямо с утра, едва узнав о нашем возвращении: не зря рожа одного из отиравшихся у дороги к ангару мужиков показалась мне знакомой. Он попытался сразу же утащить меня куда-то, но, выложившись накануне до предела, на новые подвиги я

был не способен.

— Ярослав Владимирович! Сейчас я точно никуда не поеду, дай хоть в себя с дороги прийти!

Оценив мой помятый вид, мужчина с сожалением убавляет напор, но оставить меня в покое не может — его так и распирает желание поделиться узанными подробностями.

— Короче, Слава их вычислил! Это дэпэшники!

Слава — это его сын, Бронислав. В их семье, похоже, есть некий бзик на тему имен, потому что все известные мне Костины названы на старорусский манер: старший сын, который работает в агентстве, зовется Бронислав, младшая дочь — Мирослава, а еще знаю про брата Станислава. Видать, очень хотят прославиться. Каково приходится в жизни девушке с противоречивым именем Мирослава Ярославовна — не хочу даже вникать.

— Одна машина дежурила во всех четырнадцати эпизодах! Просто они менялись с другими сменами, поэтому с ходу понять закономерность не удалось. Еще и перерыв почти месяц делали. Мы проверили — у одного из них жена в это время рожала, отпуск брал: видать, не до разбоя было!

Дэпэшники — это местные гаишники, аббревиатура от слов «дорожная полиция». Задумываюсь. Если экипаж патрульной машины скурвился, то все встает на свои места. Одинокая фура останавливается по требованию оборотней в погонах, дальнобой сам выходит к преступникам, а там все просто — либо убивают на месте и отгоняют машину с содержимым к поделщикам, либо под угрозой заставляют водителей проследовать к отстойнику, а убивают уже там. Скорее всего, правилен первый вариант, потому что лично я именно так и сделал бы.

Костин горит азартом, а вот я, наоборот, расстроен. Раз замешаны государственные структуры — тихо проверить операцию не получится, а мне только подобного рода известности и не хватало.

— Ярослав, если мы их возьмем, навеки в черный список попадем. Подумай сам: полицаи нам потом жизни не дадут.

— Егор! Не говори о том, в чем не разбираешься! Если представить железные доказательства, они сами будут рады замять историю, иначе головы руководства полетят.

Так-то оно так, только без прикрытия сверху никто таким заниматься не будет. Если Слава вычислил закономерность, то и следователи просто обязаны были, у них-то возможностей побольше. Озвучиваю мысль:

— Я думаю, ты не прав. Такие дела без крыши от полиции никто проворачивать не рискнет. Смотри сам: Славка, конечно, молоток и все такое, но далеко не гений сыска. В полиции-то всяко поопытнее его будут. А тут четырнадцать эпизодов — и тишина: типа, вот такие неуловимые мстители. Мне вот кажется, что следователи должны были хоть что-то да нарыть.

— И нарыли. Собственно, им всего чуть-чуть не хватает, чтоб на этих сволочей выйти. Те гады, знаешь, когда это делали? На стыке смен патрулей. По журналу уже не их смена, а они вроде как еще до поста не доехали. Еще несколько раз втихую дежурствами с коллегами менялись под предлогом того, что у одного жена сначала в положении была, а потом ребенок маленький — представляешь ведь, наверное, как это бывает. А в журнале все согласно графику отмечено. Славка с дальнобоями семь рейсов сделал, пока не понял, как это можно проверить. Ну и самое главное — тот, который отцом стал, недавно дом в городе купил, якобы на наследство бабкино, а у нас точная информация есть, что бабка его беднее

церковной мышши была.

При упоминании о церкви меня передергивает. Слава богу, Костин, увлеченный рассказом, этого не замечает, но надо с этим что-то делать. В этом мире религия играет гораздо большую роль, чем в прежнем, и в храм идти еще не раз придется: те же пилоты, уж на что раздолбаи по жизни, а периодически на службы ходят, хотя бы по праздникам. И здесь только мне, закоренелому атеисту, это кажется слегка ненормальным, остальные относятся к подобному как раз одобрительно.

Если Бронислав прав, то мой допрос всего лишь подтвердит его догадки. Только тогда и брать их придется на горячем, чтоб доказательства не просто железными, а железобетонными были, а это значит, что еще один водитель наверняка распрощается с жизнью. И отношения с полицией, что бы Ярослав ни говорил, заметно испортятся. Будь разбойники обычными людьми — другое дело, а здесь честь мундира замешана, и все такое. Не любят они тех, кто за руку их коллег ловят и сор из избы выносят на всеобщее обозрение. Впрочем, таких нигде не любят. Еще и сыскари на нас взъедятся, что им дорожку перешли.

Стоят того двадцать тысяч от нанимателей? По мне — не стоят. Но и запретить без проверки Костину я не смогу — вон как копытами бьет, удила закусив. Застоявшийся жеребец, мать его. И слить втихую информацию полиции не удастся, наемник этого точно не поймет.

Что же делать, что же делать-то, блин? Как бы и рыбку съесть и сухим остаться, а?

По округлившимся глазам Ярослава понимаю, что последнее умудрился произнести вслух. Косяк.

— Как ты хочешь допрос повернуть?

— Тот, который неженатый, сержант Локтев, у него собака есть. Когда он не на дежурстве, то по вечерам с ней подолгу гуляет. Пива берет и в парке с мужиками сидит, а иногда один, когда компании нет. Сегодня как раз такой день, могли бы под это дело с ним пересечься. Если, говоришь, он потом ничего не вспомнит, то самое оно получится. Фуры в среднем раз в неделю-две пропадают, последнее время реже, видать, опасаться начали, но по-любому до нового эпизода совсем чуть-чуть остается, только-только подготовиться. Нам ведь еще контракт с нанимателями заключать.

— А они одаренные? Подозреваемые ваши.

На этом месте Костин начинает неприлично хрюкать, пытаюсь удержать смех, а потом машет рукой и просто хохочет. На веселье подтягиваются остальные обитатели ангара, державшиеся до этого поодаль, только Борька с Бушариным как сидели под куполом, так и продолжают там копошиться, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг. Вообще, в лице Черного профессор нашел самого верного почитателя, и за время моего отсутствия эта парочка успела спеться так, что только Борины природные особенности мешают им общаться еще теснее.

— Я смотрю, у вас весело! Привет, Ярослав! Саша! — кивает знакомым Шаман.

— При... привет! Ха-ха! Ой, Егор, ну, насмешил! — Обменявшись с Лехой и Олегом рукопожатиями, наемник слегка успокаивается. Александр, который во время разговора неслышимой тенью стоял за плечом начальника, тоже давит улыбку.

— Я задал вопрос и хочу услышать на него ответ! — немного холоднее, чем требовалось, подаю голос. Не стоило бы им забывать, кто тут главный.

— Прости, Егор! — мгновенно становится серьезным Костин. — Нет, они не одаренные. Были бы с даром — не служили бы там. Просто у тебя, похоже, сложилось неверное мнение

о количестве таких. Способности, конечно, у многих есть, но настолько мизерные, что развивать их не имеет смысла. А вот если середнячок — то уже гораздо выгоднее именно по этой части учиться и работать, вербовщики не зря свой хлеб едят. Про сильных вроде вас я вообще молчу, такое количество вместе я только в армии видел. Складывается ощущение, что вы притягиваете друг друга.

Анализирую его слова. А, наверное, где-то так и есть. Я ведь уже отмечал как-то, что мое окружение не дает мне трезво оценить средний уровень населения. Маги действительно друг к дружке тянутся, хотя вроде и не прикладывают к этому каких-то особых усилий: само собой получается.

— Ладно, понял. Во сколько твой Локтев на променад выходит?

— Часиков в восемь-полдевятого, когда попрохладнее становится. Только он в пригороде живет, дотуда еще час на машине пилить; ну и осмотреться стоит немного.

— Хорошо, вечером в шесть у тебя буду, давай съездим поговорим с этим собачником. — К вечеру, надеюсь, оклемаюсь: на пик еще не выйду, но для допроса обычного человека сил хватит.

Отчитавшись по работе и поболтав еще немного о том о сем, Костин удаляется, оставив Баринова с нами. Зову к столу всех, даже китайцев.

— В общем-то, с Костиным, если выгорит, это будет последнее дело. В Питере уже работа нас дожидается, — это я персонально Боку говорю, пусть знает, что времени на раскачку нет, — там, конечно, пока ерунда — пару площадок охранять, но с чего начать уже есть.

Капитан кивает, принимая мои слова к сведению.

— Четверо костинских с нами просятся; брать?

— На твое усмотрение: тебе с ними работать. Ну и чтоб с Ярославом не поссориться, он у нас такой, обидчивый. — Саша опять кивает: успел уже изучить характер директора. — Если у кого еще кто есть на примете, давайте переманивайте. Я думаю, нам на первое время человек двадцать точно потребуются, потом посмотрим на месте, — это я уже ко всем сразу обращаюсь.

Шаман с Земелей что-то прикидывают про себя, а Борис с профессором недоуменно переглядываются — у них таких знакомых нет.

— Олег, Алексей: рассчитываю, что вы первое время в агентстве на постоянной основе поработаете, пока себе замену найдете и выучите. Иначе Александр Владимирович совсем зашьется. — Пилоты молча подтверждают: это хоть и не оговаривали специально, но подразумевалось по умолчанию. — По агентству вроде бы все? Бок, с тобой подробности потом отдельно проговорим. Теперь по переезду: Боря, не передумал?

— Нет, уговор в силе, — непонятно для остальных отвечает Черный.

— Тогда на днях все оформим — и в Питер с нами. — Юноша заметно расслабляется, до сих пор наш договор был исключительно устным.

— Александр Леонидович, у вас неделя на сборы, к осени мы должны переехать. Помещение мы с Олегом присмотрели, пока примерно такое же, что и здесь. Разбогатеем — устроимся получше.

— На нынешнем этапе этого хватает. Хотелось бы только еще алексиума для опытов: тот, что был, уже истрачен. Про помощников я вам уже говорил: в одиночку я долго собирать все буду, а Борю не ко всем приборам подпускать можно.

— Будет и алексиум, и помощники.

Примерно килограмм драгоценного вещества еще замочен в баке в подсобке, да еще по лесам местным стоит пробежаться. Есть у меня пара мест, примеченных зимой, где метеориты явно водятся. Просто из-под снега их нереально было достать тогда, а потом руки недоходили. Жаль, что золото для меня невидимо так же, а то бы совсем как сыр в масле катался.

— Витя, ты едешь с нами, — успокаиваю заметно перетрухнувшего механика, — вопрос с ямой решу в ближайшее время, но, извини, твоего мнения спрашивать не буду. Насчет семьи — думай сам, мне все равно. Но на твоём месте я бы сразу их не тащил, с жильем там пока неизвестно как будет. Лучше чуть осмотримся, потом дам время на переезд. Грузовик у «Кистеня» мы заберем в обмен на трофейные доспехи, с Костиным это уже обговорено, так что перевезти вещи будет на чем.

Жирнов, сбрасывая напряжение, встряхивается, как собака. Жизнь с нами намного лучше, чем в долговой яме, тем более что я регулярно подбрасываю ему деньжат для семьи. Свободным он, конечно, больше бы заработал, но он и так слишком дорого мне обходится, так что роптать ему не с чего. С другой стороны, как механик он — гений и профессора понимает с полуслова, когда тот именно по этой части с ним общается, так что денег на него жалеть не стоит.

Раздав всем ценные указания, какое-то время отвечаю на вопросы, после чего народ расходится, а я поворачиваюсь к двум оставшимся персонажам.

— Теперь с вами, голуби мои сизокрылые. Ничего мне рассказать не хотите?

— С У и Чжоу все в порядке, хозяин, — удивительно чисто, без ожидаемых «сю-сю», отвечает Ван. Темная лошадка Ли как обычно молчит — он из этой четверки, а теперь уже двойки, самый незаметный.

— Они вернутся, хозяин, найдут вас. Это семейные дела, — чуть приоткрывает тайну мой повар.

— И в Петербурге найдут?

— Обязательно, хозяин.

— Я теперь вам не хозяин, объяснял ведь уже! — немного досаую на режущее слух обращение.

— Мы поняли, хозяин, — как попугай, продолжает твердить одно и то же Ван.

— Черт с вами, зовите как хотите. — Всё они прекрасно поняли и про вольную, и про гражданство, иначе бы У и Чжоу не смылись бы так быстро по своим «семейным делам», но звать меня хотя бы по имени-отчеству отказываются наотрез. Хотя пару раз проскакивало «мастер» или «шеф», что для меня привычнее. Надеюсь, со временем полностью перейдут на это обращение.

— В Питер со мной едете?

— Конечно, шеф; когда собираться? — Ли редко подает голос, но именно он первым уловил мой настрой. И, кстати, у него тоже волшебным образом исчез так раздражавший меня акцент.

— Неделя где-то на улаживание дел точно есть, а там и в путь. Ко мне вопросы есть?

— Пока нет, шеф, — почти синхронно кланяются китайцы.

Провожая их хмурым взглядом. К хорошему быстро привыкаешь, а с самого момента появления китайцы целиком и полностью взвалили на себя все обязанности по нашему обслуживанию. Ван готовит с каждым днем все лучше и лучше, ориентируясь исключительно на мои вкусы, да еще на всю нашу ораву. Когда я последний раз стирал себе что-то, я вообще

уже давно забыл: все вещи в идеальном состоянии развешаны за ширмой, заменяющей мне шкаф. Не сомневаюсь, что и мой сегодняшний багаж уже давно разобран, рассортирован и прибран по местам. С этой точки зрения они незаменимы. Может, зря себя накручиваю? В любом случае с моими тянущимися из детства неприятностями связаны они быть никак не могут, так что пусть остаются.

Когда Костин сказал про сержанта, я невольно представил себе молодого здорового парня типа старого знакомого — Глеба Судоржина, но в который раз ошибся. Сержант Локтев оказался невзрачным мужичком лет сорока пяти — пятидесяти, да еще и одетым в ту самую джинсу, которая считается здесь признаком бедности. Разве что кобель у него оказался знатный — здоровенный среднеазиатский овчар, похожий на уменьшенного белого медведя, таких вроде бы алабаями называют.

— Дядь Саша! Папа! — звонким голосом ору на весь парк, подбегая к небольшой компании. — Вот вы где!

Костин поехал на дело со своей собакой — лохматым двортерьером Шарабаном, ошалевшим от неожиданной прогулки вместо традиционного сидения на цепи. Внезапная свобода ударила Шарабану в голову, и он носился по лесополосе, высунув язык, пока два Владимировича — Ярослав и Александр — не подманили поганца и не посадили на длинный брезентовый поводок, который тот теперь остервенело грыз в надежде вырваться обратно на волю. Сколько в этом моменте было спектакля, а сколько импровизации — сказать не берусь, пса видел в первый раз, но на этой почве наемники вполне естественно познакомились с подозреваемым. Слово за слово, как это бывает у собачников, и вот уже троица мужчин чинно восседает на бревне, распивая припасенное пиво и закусывая вяленым лещом, разложенным здесь же на газетке.

— Мой младшенький, Жорка, — слегка захмелевшим голосом представляет меня собеседнику Костин, глядя по вихрам рукой, испачканной в рыбе.

— Пап, ты же обещал сегодня не пить! Мамка опять орать будет! — мстительно наступаю на ногу директору, чтоб не очень-то входил в роль.

Гримасу боли Костин удачно выдает за пьяное недовольство:

— Кто пьет? Я?! Мы здоровье только поправляем! Верно, Шурик? — оборачивается он к капитану. — Андрюх, вот что нам с баклажки пива будет? — это он уже к Локтеву обращается.

Стоит только проходящему мимо парню с овчаркой скрыться за стеной деревьев, как постановка сворачивается, а в лицо сержанту летит проверенный пшик из заготовленного заранее баллончика. Наемники на всякий случай отшатываются подальше и задерживают дыхание. Не ожидавший никакого подвоха мужчина хапает аэрозоль полной грудью, а моя рука перехватывает его левую, поднявшуюся для защиты. Воздействие отработано, так что дэпэшник входит в транс быстро. Верный пес сопит неподалеку, не зная, что хозяину требуется помощь.

— Можно приступить? — спрашивает Бок у меня.

— Валяйте, у вас десять — пятнадцать минут.

Мгновенно подобравшиеся наемники приступают к допросу.

Что могу сказать: Слава отработал на пять, правильно вычислив преступников. Неожиданно мозгом и идеологом этой группировки оказалась та самая недавно родившая баба, жена напарника. До его женитьбы эти два балбеса много лет относительно честно

тянули ляжку, ограничиваясь мелкими взятками от водителей, что даже не считалось особым грехом. Но молодая женщина быстро объяснила им их неправоту, втянув в гораздо худшие поступки. Какие-то дальние ее родственники держали почти разорившуюся ферму неподалеку от дороги, вот в их-то громадном хлеву, стоящем из-за запаха на отшибе, и укрывали угнанные фуры, пока их перекрашивали и готовили к перепродаже. Ушлая дамочка еще и сама с покупателями договаривалась, только поэтому они перерыв на время ее родов и делали, а вовсе не из других соображений.

— Куда прятали трупы водителей?

— Скармливали свиньям, вещи сжигали. — Даже меня, готового к потоку грязи, стало подташнивать от вываленных откровений.

— Куда девали деньги?

— Данила жене отдавал, я в подвале в тайнике держу, — лишенным интонаций голосом вещает сержант.

Переглядываемся между собой: сумма там должна набежать немалая.

— Когда планируете следующее дело?

— В пятницу ночью; как раз Игорь с Мишей попросили подменить.

— Время!

Пока Ярослав уточняет еще пару вопросов, Бок в темпе вальса сворачивает натюрморт, оставив лишь открытое пиво дэпэшника. Часть очистков от рыбы этот растяпа рассыпает, но не мы первые используем это бревно для посиделок, так что мусор теряется среди ему подобного. Гринписа на них нет! Крайне удачно, что леща сержант не успел ни поесть, ни потрогать, так что запаха на нем не останется. Это на самом деле важно, потому что, проснувшись, он должен думать, что его просто разморило на жаре, а не мучительно вспоминать, откуда во рту вкус рыбы — внимательного человека такое несоответствие насторожит. И хоть я и уверен в своих силах, лучше не подставляться. Оставив прикорнувшего сержанта очухиваться, смываемся с «места преступления». Шарабан почти догрыз поводок, но Костин обламывает его счастье, завязав истерзанную часть в узел.

Кончается вторник, у нас есть три дня на принятие решения.

Столько времени мне не потребовалось. За час, что мы тащились до дома, я успел хорошенько взвесить все плюсы и минусы предполагаемого мероприятия и... отказаться.

— Ярослав, я против. Не заключай контракт.

Надо было дожидаться какой-нибудь остановки, а я объявил свой вердикт прямо на ходу, за что сразу же поплатился, повиснув на ремне безопасности. Шарабан в багажнике взвыл, выразив на своем собачьем языке все, что думает о манере езды хозяина. Баринов, потирая ушибленные о переднее сиденье локти и колени, вопросительно переводит взгляд с меня на Костина.

— Мы провели всю предварительную работу — и сейчас пойдём на попятный? — зло спрашивает директор, направляя джип к обочине. — Сам такой!!!!.. Вали отсюда! — крикнул он в окно водителю, ехавшему прежде за нами, который теперь, обгоняя, высказался непечатной фразой о нас и наших родственниках по материнской линии.

Остановившись, наемник требует объяснений.

— Суди сам: трофеев не видать, терок с полицией огребем по самые уши, еще и в схватке, не дай бог кого потеряем. На хуторе, видать, ребятки ушлые: вспомни, команда Бурлакова там пропала. Сколько их, кстати, было?

— Семеро, плюс сам Виталия.

— Вот! Восьмерых профессионалов перемололи и не подавились.

— Да какие там профессионалы?! У Виталия только трое из команды в армии ляжку тянули, остальные — мальчишки желторотые!

— Мальчишки не мальчишки, а раз взял, то откуда пуля вылетает — знали. И твой Бурлаков, я слышал, парень не промах был. А в результате? Сгинули без вести, а эти как разбойничали, так и разбойничают!

— Егор, да пойми: как они ни сильны, а ни Алексею, ни Олегу — в подметки не годятся! А если еще вы с Сашей пойдете, мы весь этот хутор не хуже, чем у Бобриных, разнесем! — горячится наемник.

— Не сомневаюсь. Только вспомни, где поселок стоял, а где хутор? — Я тоже слегка повышаю голос. Саша в наш разговор не вмешивается, но на ус мотает, ему еще со мной работать и работать, а мы пока не очень хорошо знаем друг друга. Дворняга в багажнике, слушая нашу перепалку, начинает недовольно ворчать. — Ты забыл, что хлев этот чертов не на родовой земле стоит! Какой на фиг штурм, какие трофеи?

— Да кто узнает-то?

Вот смотрю я на этого, прямо скажем, пожилого мужика и диву даюсь. Он что, вообще с головой не дружит? Да одно то, что мы копа этого продажного без прикрытия допросили — уже на пару статей тянет! Но тут — хрен с ним, следы замели — и ладно, все свои, не сдадут. Но теперь он ни много ни мало предлагает повязать двух полицейских, чья вина в глазах властей отнюдь не доказана, а потом совершить налет на мирный свинарник, на котором нет огромного плаката «Плохие парни — здесь» и подсвеченной стрелочки. Да даже если б и были, — это все равно не наше дело, а дело соответствующих органов. А если мы при этом еще и дэпэшников завалим, то нам по совокупности таких люлей наваляют... припомнят все, вплоть до падения удоев у молочных поросят, или что там у тех бывает!

— Ярослав, я надеюсь, ты это не всерьез сейчас сказал?

— Егор, какого хрена? Я на это дело уже почти тысячу своих кровных извел! Время потратил, Славку припахал, а теперь что? Просто бросить?

— Ярослав Владимирович! Ну ты же взрослый человек, давно в этом бизнесе варишься! — От эмоций из меня поперли словечки моего прошлого, но то ли Слава привык, то ли не обратил внимания в запале. — Давай на заказчиков выйдем, за вознаграждение им информацию сольем! Если они такие жлобы и платить не захотят, то я сам тебе затраты компенсирую. Пойми, не наше это дело! Ввяжемся — век не отмоемся! Предлагаю с нанимателями завтра же связаться и выложить им все, что нарыли. Или вообще полиции информацию подкинуть: связи, они тоже лишними не бывают, а может, и от них что обломится.

— Ага, еще я на полицию бесплатно не работал!

— Да при чем тут «бесплатно»?!

— А при том! Мы им всё на блюдечке, им — премии, благодарности и медальки, а нам — хорошо если спасибо скажут! — кипятится наемник не хуже чайника.

— Ярослав! Тебе что, славы и медалек тоже хочется? Тогда ты не там работаешь! — окончательно завожусь уже я.

— Егор, там такие деньги должны быть!

— Вот прям в хлеву, в навозе и будут! Там хорошо если последняя фура останется: ты ж ясно слышал, они на новое дело идут, только продав предыдущую машину. Так что реально

там только хрюшки-людоеды будут да лихая банда.

Капитан в отставке Костин, а я не так давно узнал, что он ушел на гражданку именно в этом звании, долго молчит. Судя по все еще раздувающимся ноздрям, никак не успокоится, но веских аргументов, чтоб переубедить меня, у него нет. Его молодняк такое никак не потянет, а своих людей я не дам. Есть, правда, у меня мыслишка навестить домик господина Локтева темной ночью и пошарить по закромам, но втягивать в это я никого не собираюсь. Частные подвалы — они такие, суеты и компании не любят. Выгорит — не меньше половины подброшу именно в «Кистень» на развитие: все-таки без их предварительной работы я бы сам на сержанта не вышел.

После длительной паузы наемник заводит мотор и, ничего не говоря, выезжает обратно на дорогу. До дома так и добираемся в тяжелом молчании.

— С других объектов парней пока не снимешь? Или завтра мне самому в поле выходить? — мрачно интересуется он напоследок.

Хапнув заказов во время питерской светской эпопеи, я слегка переоценил способность «Кистеня» их удовлетворить, и теперь пилоты расплачиваются за мою жадность, пропадая в агентстве круглыми сутками. Со следующей недели должны выйти новые люди, но пока кадровый голод еще дает о себе знать.

Закатив глаза (боже, за что мне это?!), отвечаю:

— Нет, пока все по-старому, Леха и Олег в твоём распоряжении. Отъезд через неделю, так что пока они твои.

Сухо попрощавшись, Костин отъезжает, обдав нас напоследок облаком пыли. Держу пари, он это специально, но бежать и кричать что-то вслед считаю ниже своего достоинства, и так разругались. Переглянувшись с Бариновым, жму плечами, дескать, что поделывать? Александр понимающе кивает в ответ, заскоки директора ему не в новинку. Прощаемся и расходимся.

Еще не знающий, что он покойник, Григорий Осмолкин появляется в разгар демонтажа лаборатории. Техника у Бушарина почти вся тонкая и хрупкая, для долгого переезда желательно все понадежнее упаковать, а то восстанавливать некоторые приборы влетит потом в копейчку. А часть оборудования вообще не подлежит оценке, потому что сделана руками профа и существует в единственном экземпляре.

— Что ты себе позволяешь?.. — схватив за воротник рубашки, бывший гвардеец подтянул меня к себе, слегка придушивая, и прошипел вопрос, брызгая слюной в лицо.

— Григорий, ты чего? — изображаю ничем не замутненное недоумение, благо юное лицо еще позволяет проделывать такие фокусы.

Покосившись на зрителей, мужчина отпускает меня и кивает в сторону свободного закутка:

— Отойдем, поговорить надо.

Успокоив жестом домашних, бреду вслед за куратором.

— Как ты посмел побеспокоить такого человека?! — опять шипит Григорий, едва мы скрылись из виду остальных.

— Гриша, а что было делать, если ты молчал?

— Значит, так надо было! Тем более что ты и не спрашивал!

— Гриш, мне все равно убедиться надо было.

— Убедиться?! Ты представляешь, щенок, что я пережил по твоей милости!

— Все так серьезно, да? Я тебя подвел? — От моего сочувствия и раскаяния даже полено должно было обрыдаться.

— Сильно подвел! — все еще зло, но уже без прежнего запала отвечает мужчина. В другой обстановке он, может, и продолжил бы головомойку, но то и дело мелькающие на периферии китайцы (сто пудов — специально!) не соответствуют его понятиям о конспирации.

— Куда опять переезжаете?

— В Питер. Там теперь жить будем.

— А почему я узнаю последним? Тебе же ясно было сказано — ждать от меня инструкций!

— Григорий, не кипятись. Во-первых, когда бы я тебе сказал? Мы последний раз в июне виделись. И вообще, как от Натальи съехали, — очень редко стали пересекаться.

При упоминании Наташки гвардеец кривит лицо, в который раз переживая свой провал.

«А провал ли?» — внезапно приходит идея.

— Так обстоятельства сложились... — Мужчина еще что-то говорит, но я его не слушаю, потому что целиком захвачен новой мыслью.

Отсечь меня от близкого человека, от денег и возможностей — вполне вероятно, было им на руку. Надо будет эту задачку покрутить в спокойной обстановке.

Именно в этот момент мимо угла, где мы шепчемся, проходит Ван с клеткой выживших грызунов. Считаю это знаком. Вряд ли менталистов такое уж бешеное количество: по словам маман, таким техникам только в отдельных специальных учреждениях учат, это ей по благу знания перепали без всяких подписок. Да и источник у Григория пока так и не начал восстанавливаться, но сунул я тут случайно нос в учебный план четырнадцатилетней княжны Марии, так там, несмотря на лето, каникулы и торжества, по три часа психологии и риторики в неделю стояло. Сомневаюсь, что господин Осмолкин-Орлов, который клановый в черт знает каком поколении, меньшей муштре дома подвергался. Это Машка по малолетству все эти приемчики топорно применяет, а вот взрослый человек с такими знаниями и без ментальных способностей много чего наворотить мог. Вполне возможно, Наталья не так и виновата передо мной, как представлялось.

Волну бешенства подавляю с трудом, источник опять начинает наливаться дурной *силой*, но убивать Гришку сейчас — явно преждевременно. Ничего, дождусь я своего грузовика с конфетами.

— А во-вторых?

Занятый догадкой, я упустил нить разговора, так что переспрашиваю:

— Что «во-вторых»?

— Ты сказал, что, во-первых, давно не виделись, а во-вторых? И далее по пунктам?

— Во-вторых?.. — реально туплю, но получается даже лучше, чем если бы притворялся. — А! Понял! Просто я давно переезд задумал, а теперь, когда мама выздоровела, вообще глупо здесь сидеть.

Про планы и связи, образовавшиеся в столице, не упоминаю. Стереотипы сильны, и с точки зрения сорокапятилетнего мужчины я всего лишь наслаждался праздником с первых рядов. Недостаток молодости, когда редко кто принимает тебя всерьез, в данном случае оборачивается преимуществом.

— Ну что ж, самостоятельный и догадливый, хотел послужить Отечеству — получай первое задание, — и сует мне в руки какую-то папку. — В Питер ты удачно собрался. Там

есть мой адрес, устройшись — навести. Если нужна будет помощь — тоже обращайся. Все понятно?

— А что здесь? — трясу полученными бумагами.

— Открой, посмотри! — ехидно ухмыляется гвардеец.

Следую совету.

Да, вашу ж мать!

Первым листом в папке лежит приказ о зачислении Васина Егора Николаевича в десятый класс Первой Петербургской общеобразовательной гимназии.

Интерлюдия четвертая

Капитан Рогов уже пять минут стоял в коридоре управления и пялился на врученный кадровиком под роспись приказ. Несмотря на частые подначки коллег, умом Василий не был обижен, а читать начал еще в пять лет, так что проблем по этой части никаких не имел, но содержимое именно этого листа бумаги отказывалось укладываться в его коротко стриженной голове.

«...вывести за штат действующей оперативной группы... явиться в учебный центр для дальнейшего прохождения службы... в должности куратора и сопровождающего...»

— Колян, что за хрень? — ворвался он, размахивая приказом, в кабинет майора Светлова.

— Капитан Рогов, смирно!!! Три шага назад!

Словно напорвшись на невидимую стену, капитан демонстративно промаршировал в центр кабинета начальника и вытянулся в струнку согласно распоряжению.

— Господин майор, разрешите обратиться! — строго по уставу гаркнул он.

— Садись, разговор будет непростой, — тяжело вздохнув, перешел на нормальный тон начальник. — Приказ получил?

— Так точно, господин майор! — Рогов продолжал стоять по стойке смирно.

— Обиделся, что ли?

— Никак нет, господин майор! — упрямо талдычил капитан, игнорируя предложенный стул.

— Обиделся... Впрочем, понимаю, сам в недоумении. Короче, Василий, медики на тебя бумагу накатали, дескать, к оперативной работе ты абсолютно непригоден.

— Да я же!.. Медкомиссия же только что была, года не прошло! Геннадий Николаевич, это же хрень полная! — отмер капитан, поняв, что руководитель не имеет к приказу никакого отношения.

— В кои-то веки с тобой согласен, именно она, и именно полная! Я как мог сопротивлялся, но где-то у них на тебя зуб наточен. Все что удалось — это временно перевести тебя в учебку с сохранением содержания.

— Да что мне там делать-то?! Бумажки по полочкам раскладывать? Я ж там через неделю свихнусь!

— А ты постарайся не свихнуться!!! Потому что я кучу нервов убил, организовывая этот перевод! Тебя вообще комиссовать по полной хотели, вылетел бы на улицу — и прости-прощай, служба!

Василий смотрел на начальника совершенно убитым взглядом — к гражданской жизни

он был абсолютно не приспособлен.

— И что мне теперь делать?

— Да что ты как маленький-то?! Бери бутылку в презент и дуй к лечилам — разбирайся, что они там нашли. Если они свою писульку отзовут — вернешься в группу. Ну а если не разберешься — значит, будешь в учебке работать. Тоже, между прочим, не худшее место службы. Ты все понял?

— Понял, господин майор!

— А раз понял, то шагом марш из кабинета! Месяц на твое место никого брать не буду, в сентябре новая медкомиссия: до нее чтоб разобрался!

— Так точно, Геннадий Николаевич! — Слегка повеселев, капитан покинул кабинет Светлова и отправился напрямую в магазин: идти к Доку без подношения и впрямь было бесполезно.

— Вася! Ты читать умеешь? «Э-пи-леп-си-я»!!!

— Док! Ты ж нормальный человек, ты меня лично зашивал три раза! Какая на хрен эпилепсия! Да я слов-то таких длинных в жизни не знал, а ты мне в карту эту дрянь пишешь!

— Не-э-эт, Василь! Это не я тебе пишу! Это тебе столичные справочку выписали! Ты, милый друг, какого хрена собачьего там на земельку прилечь умудрился, да так, что тебя потом в больничке неделю держали, а? — обычно интеллигентно выражавшийся доктор Павлинкин после совместно распитого коньяка слегка ослабил контроль за языком.

— Вот, ... щенок! Отомстил, сучий потрох! Так и знал, что с ним одни проблемы будут! — начал ругаться Рогов.

— Это ты про бегунка своего?

— Про него, родимого! Про кого ж еще?! Эх!.. Док, ты же свой! Скажи, что мне делать, а?

— В общем, Василь, там история такая: Муромский — это главный у питерских по медицине — сначала считал, что все так и было, как ты рассказываешь. Похвалился, что запросто подвиги этого мальчишки повторит, а дошло до дела — и что-то не срослось у него. То ли дара не хватает, то ли мозгов. Мне коллеги столичные рассказали, что обделался он там перед Милославским по полной. Вот «на радостях» и вклеил тебе диагноз в карту.

— Вот... ушлепок! — Ругать столичное начальство было приятно, но бессмысленно: вписанный диагноз от этого не менялся.

— Слабо сказано: его там в управлении все тихо ненавидят, надеялись, что после такого слетит, но как-то вывернулся. Пить еще будешь? — неожиданно перешел к насущному Юрий Алексеевич.

— Мы ж допили уже все?.. — кивнул на пустую коньячную бутылку Рогов.

— У меня спирт есть.

— Наливай!

В процедурной, приспособленной под нужды народа (в лице Рогова и Павлинкина), отчетливо запахло чистым этанолом.

— И с мальчишкой этим дело темное получается. Он — то ли ценный свидетель, то ли еще кто, но трогать его категорически нельзя! — Для пущего понимания Док даже пригрозил капитану пальцем. — Но вот если ты частным порядком стрясеешь у него, как он это сделал, то, во-первых, справку эту липовую отзовут обратно, а во-вторых, мало того что тебя восстановят во всех должностях, так еще и наградят чем-нибудь. И будь уверен, награда там

немалая будет!

— С чего бы это?..

— А с того, милый друг, что знания такие нашим — тем, кто в поле, — очень пригодились бы! Не все ж, как ты, полный ноль по дару.

— Но-но, у меня целых десять УЕ!

— То-то они тебе помогли!.. — Павлинкин закинул в рот отрезанный скальпелем кусочек колбаски, прожевал, смакуя, и продолжил: — Мальчишка, по слухам, в Москву вернулся, надумаешь — адрес найду, да ты и сам можешь найти, дело наверняка еще в архив не сдали. Выспросишь у него технику — вернешься в опергруппу, нет — останешься бумажки перебирать до конца жизни. В общем, думай сам. Но управление в эти дела нельзя вмешивать никаким боком, все только частным образом!

— Хреново... — Последние капли спирта перекочевали в стакан Рогова, так что непонятно было, к чему относился его возглас — к окончанию попойки или к ситуации в целом.

— Хреново, — повторил капитан, закинув стопку, — я этому гаденышу по башке капитально пробил, да еще всю дорогу до Питера запугивал. А он ничего так, крепкий, зубами только скрипел, а под конец вон как мне выдал...

— Ну голову его я сам лечил и точно могу сказать: к моменту перевозки там и шрамов почти не осталось. Но так у вас пока счет «один-один»: ты ему башку сломал, а он тебе — карьеру. Только у него уже все зажило, а тебе еще побегать придется.

Как и любой пилот МБК, Григорий Осмолкин был крупным накачанным мужчиной весом порядка ста кэгэ. В снаряженном состоянии вес меха мог достигать полутора центнеров и даже больше, поэтому дохляков в таких частях просто не водилось, ведь от повреждений начинка могла отказать, и пилот мог остаться один на один с громоздкими неудобными доспехами, из которых требовалось хотя бы самостоятельно выбраться, а в идеале — продолжить в них бой. За годы инвалидности Гришка, конечно, подрастерял форму, но по ощущениям, последнее время усиленно тренировался, так что слабаком не был по определению. Но это ему не помогло, потому что и я последние полгода не сидел сложа руки.

Да, мой вес пока еще не перевалил за отметку семьдесят кило, но я и развивал другое — источник и техники. Всего лишь легкий импульс *жизни* в мышцы позволял добиться усиления, которое и не снилось обычным тяжелоатлетам или боксерам, а *воздух*, который на самом деле имел к нормальному воздуху очень опосредованное отношение, давал просто читерское преимущество. Способность манипулировать потоками в пределах 10–50 метров вокруг себя не поддавалась никакому логическому объяснению, но тем не менее присутствовала в моем арсенале.

Порядком поднадоевшая маска умненького, целеустремленного, но слегка наивного мальчика слетела с меня в одно мгновение. И теперь уже гвардеец хрипел в моей хватке, прижатый за шею к стене.

— Что. Это. Такое?!

— Схх... От... пус... ти... — только и смог просипеть синеющими губами Григорий, обеими руками вцепившись в мои пальцы.

Поняв, что переборщил, ослабляю захват, вернув мужчине способность дышать.

— Я! Спросил!

— Твое задание... — проскрипел Осмолкин.

— Григорий, это не задание, это хрень!!!

— Это не моя идея. Я пытался отговорить *его*, но *он* уже все решил.

Он, почтительно выделенный даже слабым, скрипучим голосом Гришки, — это, видимо, предыдущий царь-батюшка, которого я немного того...

— Что за дурацкая идея? — окончательно отпускаю гвардейца.

— Не такая уж и дурацкая... — обиженно бубнит Григорий, растирая пострадавшую глотку, — это ты про другие варианты еще не знаешь.

— Что, детский сад, вторая группа?

Окинув меня злым взглядом, мужчина делает попытку отлипнуть от стены, но тут же прислоняется обратно: я его не только придушил, но и порядочно впечатал в нее. Целительная волна придает ему сил, но благодарности не дожидаясь, хотя, по правде, и не жду, это было бы странно, учитывая, что в его состоянии виноват тоже я. И вообще требовать признательности от человека, которого я собираюсь в недалеком будущем хладнокровно убить, — верх цинизма.

— Тебе бы точно не понравилось, — саркастически отвечает на заданный вопрос куратор.

— Даже больше, чем сейчас?

— О! Поверь, были там и такие. Подробности тебе знать необязательно. Так что «первое сентября, в школу идти пора...» — фальшиво напел он достаточно известную здесь песенку, не отказав себе в возможности поиздеваться.

Н-да... Действительно, других вариантов не знаю, так что придется поверить на слово. Если подумать, то сам номер школы говорит о том, что ученички там будут непростые, наверняка в этом все дело.

— И какое задание?

— Ты сначала прouchись хоть сколько-нибудь! Твоим аттестатом там только подтереться и выкинуть.

— Что-то еще?

— Это все. Бумаги просмотри только внимательно, есть небольшие изменения в биографии.

— То есть? — настораживаюсь.

— Посмотришь сам. Самое главное — Елизару Андреевичу ты теперь не внук, а просто жил неподалеку; есть и еще пара мелочей. Ничего серьезного, урона твоей чести не будет! И относись проще, это всего на год, а товарищами твоими по учебе сплошь именитые дети будут. Глядишь, и еще полезные знакомства завяжешь!

Забавно, я его за язык не тянул, он сам про честь проговорился, похоже, другие варианты действительно были хуже. Только в таком виде план не годится, с новшествами в биографии я для такой школы рылом не вышел, сразу кучу подозрений вызову. А провести целый учебный год в сплошных проверках на прочность — никаких нервов не хватит.

Пролистав для верности бумагу, убеждаюсь в правильности выводов.

— Не пойдет! Тогда зачисляйте Бориса Черного туда же!

— С чего бы это?

— Без Бориса не пойду! — набычившись, упорствую я.

— А как же задание? Никто тебя в монастырь на аудиенцию не приглашал, сам пришел и вызвался!

Ну положим, не вызвался, а просто вы не оставили мне выбора, но это сейчас не важно: надо снизить риск, а вас я потом поодиночке давить буду.

— Задание заданием, а правдоподобности этой легенде не хватает. Если меня одного зачислить, то в моей биографии точно с микроскопом копаться будут, потому что с улицы в такие заведения не берут. А вот Борис для такой школы очень даже подходит, у него и с происхождением все в порядке, и все на виду, в отличие от меня. А я тогда пойду вроде как за компанию, наперсником и телохранителем. И вызывать подозрения, а значит, и пристальные проверки, не буду.

— Хм, есть что-то в этой идее... — Григорий перестал смотреть на меня как на врага народа и задумался. — Действительно, Ярцев и без нашей помощи мог бы туда ребенка пристроить... Но тогда надо, чтоб Лев Романович сам с этим предложением вышел?.. — полутвердительно-полувопросительно произнес гвардеец.

[Купить полную версию книги](#)